

КОШАЧИЙ МЁД

Книга экзистенциальных новелл
о котах и не только

ВЛАДИСЛАВ ДИМАЛИСК, НАТАЛЬЯ ПАПЕНКО,

Полина Бурлакова • Вера Богданова • Владимир Клейнерман
Содержит: Полина Бурлакова • Даня Гольдин • Борис Оболдин • Ирина Да
НЕЦЕНЗУРНУЮ Наталья Веселова • Эмилия Галаган • Алиса Хэльстро
БРАНЬ

18+

Даня Гольдин

**Кошачий мёд: книга
экзистенциальных новелл**

«Автор»

2019

Гольдин Д.

Кошачий мёд: книга экзистенциальных новелл / Д. Гольдин —
«Автор», 2019

Главная история книги повествует о бродяге Кае - беспечном ангеле грязных мусорок и пыльных подвалов. Он ищет ответ на главный вопрос: что такое кошачий мёд? В чём смысл кошачьей жизни, полной как ласки и тепла, так и чёрного холода пустых зимних улиц. Другие истории книги о том же - о неприкрытой обнажённой радости быть: о ласковом земляничном утре в деревне, о маленьких чудесах и мрачных грезах. Все это - кошачий мед, или человечья любовь, то счастье, которое лежит в основе, дает нам смысл, силу и славу. Содержит нецензурную брань.

© Гольдин Д., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Кошачий мёд: поэма в четырех действиях	5
Пролог	5
Действие первое: комок шерсти, ушедшая	7
Действие второе: сладкая жизнь	10
Действие третье: конец лета	21
Действие четвертое: последняя станция	26
Эпилог	41
Енотовый миф о конце и начале	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Кошачий мёд: поэма в четырех действиях

Владислав Дималиск

Пролог

– Только на закате есть возможность увидеть древнюю печаль волшебной страны. Поэтому я так сказала: «Под сенью закатных лесов». Так говорят поэты. Они любят эту страну, они собираются на опушке леса, кутаются в оранжево-золотые плащи из опавших листьев, вплетают лучи

солнца и струи горных ручьев в свои длинные волосы
и читают стихи, слагают гимны, танцуют.

– Кажется, я понял. Но я не люблю стихи, они скучные.

– Тебе это только кажется, ты ведь еще совсем маленький. Попробуй почитать стихи, когда подрастешь – быть может, ты изменишь свое мнение. Да и как ты, дурачок, собрался понять кошачий мед? Без поэзии нет никакого кошачьего меда, точнее – без кошачьего меда нет никакой поэзии.

– Как это?

– Нет ничего проще. Кошачий мед – самое ценное, что только есть в волшебной стране. Все стремятся добыть хотя бы капельку, хотя бы крупичку этого меда.

– Как пчелки? Коты с крылышками летают над полем роз. Выглядит, наверное, забавно.

– Не совсем верно, Кай, – Герда рассмеялась. – В волшебной стране есть мирные замки с высокими башнями, есть поля, полные красивейших цветов. Мыши и грызуны там никогда не переводятся, а по сырным холмам текут

молочные реки. Если захочешь, в волшебной стране можно вообще ничего не есть и всегда будешь сыт.

– Хорошо там, ну и что мне с того?

– Ты подумай, Кай, зачем тогда коты живут в обычном мире? Грязные, голодные, зачем они мерзнут в подвалах? Зачем терпят людскую жестокость? Я не хочу сказать, что все люди жестоки, но некоторые бывают такими.

Зачем коту жизнь в том мире, если он в любой момент может отыскать дорогу в волшебную страну, в которой он будет силен, умен и благороден, в которой он не будет ни в чем нуждаться?

– Они все глупые! Я бы ушел туда сразу и больше никогда оттуда не вернулся!

– Мы все уходим и не возвращаемся. Каждую секунду ты уходишь, и уже нет возврата к предыдущему мгновению, так как нет уже и самого предыдущего мгновения.

– Это обычная философия, Герда. Ты что-то от меня скрываешь.

– Тихо, мой любимый брат, тихо, не торопись. Без философии тоже нет кошачьего меда, точнее – без кошачьего меда нет философии. Я просто хочу, чтобы ты подумал сам.

– Да почему же мне знать, зачем коты живут в двух мирах?!

– Слишком быстро сдаешься, братик. Но я отвечу: конечно же, они живут в поисках меда. Ведь для кота нет ничего слаще кошачьего меда! Только представь: поэты волшебного мира заняты лишь перечислением его благородных свойств, хотя, по правде сказать, я не уверена, что кошачий мед может обладать хоть какими-то свойствами. В лучшем случае, это всего лишь

метафоры. Ради самой малой капельки меда коты готовы рождаться, любить, страдать, радоваться, играть, бороться за жизнь и умирать холодной зимою.

– Но ты так и не сказала мне, что это за мед такой?! Вместо того чтобы съесть пойманную мышь, перечисляешь ее благородные свойства. Что такое кошачий мед?

– Если бы я прямо сказала тебе, что такое кошачий мед, если бы я даже указала в самое сердце кошачьего меда, а я, кстати, уже не раз сделала это, ты бы все равно ничего не понял.

– Ну и дался мне твой кошачий мед! Пойду лучше заберусь на облака и поиграю с луной.

– Тихо, мой буйный братец, не сердись. Давай я предложу тебя игру?

– Игру?

– Да, игру. Во время нее, быть может, ты поймешь, что такое кошачий мед, а может быть, и не поймешь. Это

всего лишь игра, и продлится она недолго, не дольше обычной кошачьей жизни. Возможно, ты слишком увлечешься и начнешь воспринимать происходящее всерьез, но, так или иначе, вне зависимости от исхода, это будет всего лишь игрой.

– Звучит страшновато...

– Не бойся, милый брат, я буду рядом с тобой.

– И ради чего ты все это затеяла? – вздохнул Кай. – Ведь меня уже ждут луна, звезды и кометы, им будет скучно без меня. Про кошачий мед ты говорила хорошо, но разве оно того стоит? Ведь повсюду есть столько других прекрасных вещей!

– Это не вещь, Кай, и оно того, конечно, стоит. Ты, между прочим, первым начал этот разговор. Ты захотел попробовать кошачий мед.

– Да, это правда, и я все еще хочу узнать его вкус.

– Тогда поиграем?

Действие первое: комок шерсти, ушедшая

Оранжевая осень – круговорот листьев, ярко-голубое небо. Кай жмурится. Каю хорошо и тепло – теплая шерстка, теплая земля. Прохладный ветер. Он позволяет полнее ощутить тепло. Тепло снаружи и внутри тепло. Рядом дом, неизвестно где, и Кай о нем даже не думает, но дом рядом, вот он – пыльный чердак, где можно лежать, вот он – золотистое сено, вот он – прохладное место под столом у пахучих ног, вот он – в ЭТИХ ЛИСТЬЯХ.

И рядом, всегда рядом Мама, нет, он о ней тоже не думает, но она рядом, всегда рядом, она уже отстранилась, и он уже не сосет молоко и порой все-таки мерзнет под холодным ветром, но она здесь, ходит, большая, не такая большая, как те, у кого большие ноги и теплые руки, но сильная, понятная. Кай смотрит на нее с восхищением и завистью.

Как и на ту, с которой он теперь делит иногда кровать, если его не прогоняют. Она тоже большая, больше мамы, теплая, и часто гладит за ушком, и прижимает к себе, и трогает так хорошо, она листает страницы

с картинками, пахнущие пылью страницы с картинками,

с картинками-птичками, а Кай смотрит в окно и смотрит

на птичек и вспоминает Маму и вспоминает момент и вспоминает, как они бродили вместе по пожухлым листьям,

и как все затихло, и он сам замер в напряжении, и птичка, чуть меньше его самого, беззаботно скакала, а в лучах солнца кружились пылинки и журчал ручей, и солнечный блик тогда ударил пронзительным воплем ему в глаз,

отразившись от воды, и в тот же миг что-то изменилось, изменился свет, и случился прыжок и сила и слава и мгновение высшей чистоты, и вот птичка уже в зубах Матери, тре-

пыхнулась и угасла. В последний миг он глядел своими любопытными глазами хищника в ее маленькие черные глазки и видел нечто необыкновенное и жуткое.

А теперь холодный снег. А теперь нега и покой в животике, покой за стеклом, примороженным, замороженным, мерзлыми ледяными узорами исходящим, и куски сырого мяса попадают вперемешку с нелюбимой картошкой

и сухими пахучими подушечками, чтобы их грызть, и усы уже топорщатся во все стороны, и бегаешь-бегаешь, набегаться не можешь. Было очень больно, несправедливо-больно, когда Кай шел к Маме поиграть и погреться,

а она ударила его лапой, несильно ударила, слегка ударила, совсем не больно ударила, но с тех пор он к ней больше не ходит, и они видятся только издалека и не перемигиваются больше желтизной немигающих глаз.

Зато он играет с сестрой, которую раньше не любил, только дрался и только царапал, которую он не замечал, только отпихивал прочь. Они катаются целыми днями

по ворсистому ковру и царапаются друг с дружкой и кусаются и визжат, и порой до крови, но потом лижут раны и улыбаются. Что же это за блаженство – ночь заходит

в пустой холодный дом, и остывающая печь, и вой ветра.

Вот он играет с ней, а она смотрит-смотрит на него синими-синими глазками. И вот она становится грустной-грустной и в середине зимы забивается в темноту в темноту под диван под диван. Люди ходят-смеются и кутаются-прячутся в пледы. Большой, с волосатыми ногами, и его женщина, Кай уже понял это, что он – Большой, а она – его женщина, а та, что прижимала его в тепло, была их котенком, он знал это, да, он знал это. Неужели мать тоже ударила ее лапой? Они смеялись и кушали, пока сестра была под диваном.

Кай шел к ней играть, трогал ее лапой по сухому

по носу, но она только смотрела на него большими-большими ясными глазами и даже не мяукала жалобно, но как будто хотела что-то сказать и не могла.

Большой брал ее, она помещалась в его ладони, большой ладони, и силой пытался вставить ей в рот соску, силой пытался накормить ее. Кай мяучил и терся об его пахнущую табакком, и потом, и котлетами, и много чем еще ногу. Большой дымил свою трубку и смотрел на сестру Кая. Кай хотел играть, поднимал хвост трубой. А она скалила зубки и не могла ни есть, ни пить.

Ночью Кай гонялся за желтой вязочкой по ковру и вдруг увидел, как блеснули из самого темного угла ее глазки.

Он подбежал к ней и кинул вязочку с бантиком, а она только смотрела и не шевелилась. Кай подошел к ней, стал ластиться, стал трогать и бить ее лапой, а сестра только качала головой.

Они были одни в темноте и говорили глазами. Каю

хотелось играть, но он просто сел рядом и смотрел на нее и просто был рядом и ощущал свое дыхание у кончика носа.

И приснилась ему чудесная страна, и золотые горы,

и голубые-бирюзовые облака, сливающиеся с синим небом тонкой вуалью цвета, переходящего от изумруда к бирюзе, и само небо, спокойное, и вечное, и безмятежное в своей постоянной изменчивости.

Пылало оно жаром, пылало оно огнем и закручивалось само в себя, а потом легла ночь, и в деревьях вечного леса загорелись огни, мягкие огни лунного света, это были

то ли огромные светлячки, то ли плоды деревьев, то ли духи, водящие хороводы вокруг неохватных стволов.

Кай слышал множество голосов, видел существ

в красивой одежде – это были поэты и ученые и кто-то еще выше и благороднее. Они не были ни праздны, ни заняты, их взгляды направлены были и внутрь, и вовне одновременно. Кай так не умел, его взгляд привык смотреть вовне, концентрируясь на объекте: на птичке, на ниточке, его взгляд был цепким, когтистым: взгляд охотника, этот взгляд хватался, вцеплялся в добычу, во все, что бы ни

видел.

Сладкие слова, звуки и мысли разносились вокруг,

он их ощущал, но не мог уловить смысла, ах, о чем они,

о чем они поют, они были необычайны, они вызывали грусть, они вызывали разрывающую сердце сладкую тоску, в них была и горечь, в них была и потеря, но что эта потеря, что эта горечь рядом с тем раскаленным золотом, которое они излучали, золото слов – он так это ощущал, слова, оплакивающие жизнь и смерть, оплакивающие удел и превозносящие к чему-то высшему святостью и силой данного мгновения.

Он вспоминал всю свою короткую жизнь: рождение

и мать, игры и все-все-все, и грезил о будущем своем, он видел его, и оно было непросто. Он видел зиму-зиму, и холод-холод, и боль, и страдание, и потери, и все-все-все, что могло бы привести его в неописуемый ужас, что могло бы стать его кошмаром, если бы не эта золотая песнь.

Кай вдруг понял, что в ней поется о его жизни и что в нее вплетена каждая его мысль и он сам, весь без остатка, каждый коготь, каждый мускул его и зрачок его – это золотая песнь, терпкая, экстагическая песнь, золотое всепронизывающее сияние, сладкое, как мед.

Когда Кай проснулся, уже забрезжил холодный рассвет. Он тут же позабыл о чудесном сне, ему захотелось есть

и играть, и он не знал, чего хочется больше.

Сестра спала.

Кай подошел к ней и тронул лапой – она не спала.

Она была одновременно податливая, тяжелая и неестественно теплая, теплящаяся, тлеющая, догорающая, она остывала.

Кай сел рядом и стал ждать. Он понял, что произошло нечто очень важное.

Действие второе: сладкая жизнь

Бродя в одиночестве, одинокий юный бродяга, бродя в поиске еды, бродил по своей и чужой территории, забывая каждый угол и помня каждый запах, старательно внюхивался в чужака – опасен ли тот, щерятся ли усы на его огромной морде или это всего лишь тщедушный донжуан грязного заплыванного асфальта?

Холод кончился, долгая смертельная зима кончилась. Кай ее пережил. Кажется, это была его третья зима.

Первая прошла в доме. Он плохо помнил это, он помнил только игры и какой-то момент, когда радости вдруг стало меньше. Он помнил мать, забывшую, вероятно, его, да и где она теперь? Но когда Кай находил шерстяную тряпочку,

он жадно и мягко впивался в нее когтями и мял ее, и мял ее. Задыхаясь от теплоты и приятного возбуждения, он уносился туда, где был маленьким пушистым комком под сенью огромной кошки, и ее теплые сосцы, полные молока, были всем, что нужно для блаженства.

Вторая зима прошла в тесной комнате с Большой. Она была одна, но это точно была котенок Больших из его детства. Она все так же обнимала, и тискала его, и ласково гладила по головке, и от прикосновений ее рук он жмурился и ластился даже, если было холодно, но она сама стала холоднее, Кай чувствовал, она сама замерзала в этой зиме

и в этом одиночестве, которое они делили пополам. Она часто плакала и часто смотрела в окно. Он тоже смотрел в окно, а до слез ее ему не было дела – хотелось кушать и чего-то еще.

Это была тюрьма. Он любил ее, она любила его. Но Кая тянуло наружу, туда, где свободный ветер в облаках и где пронзительно воют автомобильные гудки, где райские кущи

охотничьих угодий полны разжиревших мышей и птицы

летают у самой земли, так, что в прыжке их можно ухватить когтями, где на каждом дереве свито гнездо, в которое можно забраться и разорить его. Кай не мечтал убивать, Кай мечтал охотиться, хотя сам лишь дважды сумел поймать маленьких мышек в пыльной темноте подкроватя. Когда она у тебя

в зубах, это уже не то, но сам момент прыжка – он чувствовал, что время сжималось и мгновение становилось вечностью,

в этот момент Кай прикасался к золотой вечности. В его памяти всплывал прыжок матери, изящный и грациозный, непревзойденный доселе прыжок, первый урок охоты.

Все прыжки Кая, вся его охота были лишь жалким подражанием тому великолепному, величайшему из прыжков.

Кроме грез об охоте, появилось еще кое-что – неясное томление, скапливающееся где-то в животе, где-то между задних ног, где-то под хвостом, сладкое, терпкое и невыносимое. И когда он мял шерстяную тряпочку, вспоминая тепло матери, появлялось кое-что, чего он совершенно

не понимал – сладчайшая истома, невыносимая, требующая выплеска. Когда Кай был уже не в силах ей противостоять, он прижимался всем телом к шерстяной тряпочке

и начинал тереться об нее и двигаться всем телом, особенно прижимая низ живота, и было так хорошо, но никакого удовлетворения это не приносило. Каждый раз, войдя в иступление, он терся о тряпочку, пока не уставал, потом валился на бок и, недовольно виляя хвостом, ловил в воздухе невидимых мух.

Однажды Большая застала его за этим занятием,

и – Кай запомнил это, Кай с тех пор перестал ей доверять, Кай с тех пор затаил обиду – она вскрикнула и запустила

в него тяжелой книгой, которая больно ударила в бок. С ревом Кай перекувыркнулся и бросился в бегство. Его ребра болели еще неделю, а Большая стала еще чуть холоднее – они перестали делить даже одиночество. Она так же кормила и ласкала его, но мысли ее были где-то далеко, и все чаще Кай ловил в ее взгляде отвращение, чувствовал собственную ненужность и давящую тесноту этого места.

От невыносимости, от однообразной пищи, от этого он никак не мог убежать. Он кричал, он метался из угла в угол, стараясь хоть как-то выплеснуть все, что изо дня в день копилось внутри. А когда уставал, еще более неудовлетворенный, шел к окну и долго-долго следил за полетом птиц.

У Большой появился самец. Они спаривались на кровати, а Кай смотрел, не мигая, и зевал. Он невзлюбил ее партнера, который больно бил ладонью по загривку, когда Кай впадал в исступление и начинал метаться по сияющим залам этого безысходно замкнутого пространства. После шлепка Кай успокаивался, но через некоторое время начинал злиться еще больше и переворачивал в своем бешеном бегстве

по кругу все, что попадалось на пути. За вазу с цветами, разбитую голубую весеннюю предвесеннюю вазу предвкушения – голубых подснежников, синих ворсистых, за эту вазу, на которую Кай иногда смотрел, и вот за эту грезу о весне, за разбитую любовь фарфора, Большой схватил его и швырнул об стену. Кай уполз в темноту, под кровать. Сидя в темноте, он вылизывал ушибленное болящее тело и так

не хотел выходить, никогда больше не хотел выходить наружу.

Она поставила пищу и воду, ласково звала. Он ел, но снова скрывался в убежище и только со временем с опаской стал выходить на свет. Большой приходил нечасто, и, хотя Большая предпочитала общество сильного самца, Кай снова мог спать с ней в одной кровати.

Чем ближе становилась весна, чем больше тепла было

в голубом небе и чем сильнее поднимался от растений пьянящий аромат новой жизни, в сиянии которого зрели почки, а в земле семена готовились стать цветами, тем больше все это сводило Кая с ума, тем больше ему хотелось кричать, хотелось мчаться навстречу ветру и всему-всему-всему тому невыразимому кошачьему необузданному счастью, которое ждет его там, впереди, в голубой холодной дали: все драки, все кошки, вся охота, все одиночество, все препятствия

и победы. Он рвался туда изо всех сил, а в животе поднималось что-то тугое, упругое, вопящее, дикое и высвобождалось горячей плотной струей, бьющей в угол кровати...

Той весной Кай впервые оказался у двери подъезда, большой, металлической, непреодолимой, пахнувшей собаками. Вихрь запахов наполнил безумием нос, вихрь цветов, не сдерживаемых больше оконным стеклом, ворвался в зрачки, высвобождая черт его знает какие впечатления, высвобождая все, что так долго копилось: одновременно полнейший, приводящий в ступор ужас, острый запах опасности – запах других животных, птиц, людей, еды, помоев, и – одновременно – ветер свободы, холодящий ставшую дыбом холку, и – одновременно – запах добычи, заставляющий напрягаться и сладко вытягивать когти из пушистых, почти девственных лапок.

Еще дважды он возвращался в квартиру, ожидая и крича у железной двери. Его забирали, побитого, израненного,

он ел, но вскоре снова слышал внутренний зов. И Кай жаждал этого, и Кай вновь оказывался у железной двери —

в начале своего путешествия.

Пыльные подвалы. Тогда он впервые познакомился с их обитателями – тогда они принесли ему много боли и страха. Теперь он мог только презрительно ворчать, глядя на своих грязных ободранных больных братьев и сестер, делящих

с ним плоды земной жизни. Кай и сам уже почти ничем от них не отличался.

Но тогда – какое это было лето, полное приключений, полное боли и гноящихся ран, полное захлебывающегося лая собак, загонявших его, но так и не настигших, гончих, игривых гончих ада, обещающих невыносимое страдание на кончиках острых зубов.

Однажды он видел, как собаки разорвали кота. Он видел, как лохматый уличный пес схватил упругое рыжее тело, как ощерившееся когтями, усами и зубами тело вцепилось

в морду пса и как асфальт окрасился кровью, и Каю казалось, что до него донесся терпкий запах мочи и крови

и мускуса, иной, нежели тот, который он чувствовал на охоте – коты изнутри пахнут иначе, невкусно, противно. Кай смотрел, не отводя взгляда, как пес швырнул еще кота, уже не ревушего, а лишь урчащего и булькающего, пытающегося еще жить все еще кота, шатающегося. Пес прикончил его

и еще долго терзал мертвый всполох рыжего пламени.

Кай сидел на дереве, выжидал на дереве и видел, как кошачий мед пролился на землю и расплескался повсюду. Он, кажется, мог учуять его едва уловимое сияние в воздухе, полном запаха гари, запаха вязких тополей, жарящегося мяса из чьей-то кухни, запаха человеческих детей и запаха крови.

В тот же день Кай познал освобождение от сладостного изнеможения, когда он, представив себя диким охотником прерий, когда сама кровь подсказала ему быть диким охотником прерий, гепардом или тигром из джунглей, когда

он медленно, пригнувшись, напрягая свой рельеф мышц, красовался перед мягкой и пушистой, мягкой и домашней кошечкой в ошейничке с красной ленточкой с золотым бубенчиком, и как он сперва не глядел на нее, лишь бросая косые взгляды во время своего охотничьего променада, она тоже бросала косые взгляды, и неизвестно было, хочет

она или нет, но запах говорил – да, и Кай был полон решимости, вне всяких сомнений – так стучало его сердце,

так говорила его кровь, и даже на кончиках ушей пульсировала дикая любовь, так он медленно приблизился к ней,

как к добыче, и она заурчала, она учуяла, она подпустила, вильнув хвостом, и, мяуча, отставила задние лапы, и он тронул ее лапой, и она зашипела, и он приблизился к добыче еще ближе, и нос запылал от удара мягкой когтистой лапки, и это было сладко в реве и мяве и столах, пахнувшая влажной землей, червями, и гнилью, и самыми основами жизни промежность под хвостом, он был настойчив в своем

неистовом нежном желании, и они близко, и вот он держит ее зубами за загривок, а она выгнула спину, наконец, замкнулась цепь, и, не щадя сил, Кай не думал, не нужно было ничего делать: ни охота, ни запахи, ни вкусы – ничто больше не тяготило его, только движение, рев, повизгивание

и блаженство, происходящее само по себе. Не было никого и ничего, не было его и не было больше ее, Кай не понимал, где он и что он, только все больше безумствовало его тело, и тугая упругая сила, готовая породить новый мир, поднималась внутри.

В блаженстве все поплыло. Не поплыло – прояснилось, просветило сквозь завесы реальности. Золотой свет, представивший все, проявивший все в первозданном виде. По телу пробежала дрожь, Кай резко вернулся в пахучее шерстистое тело со всеми его мышцами, костями и внутренностями. Прошло всего несколько мгновений, и, судорожно, весь мед жизни вошел в кошку, покинув его тело.

Изнеможенный, Кай замер. Он тут же получил еще один жестокий удар когтями – она вывернулась из-под него

и взревела. Кай едва увернулся от зубов и, недоумевая, куда подевалось медовое золото, стал вылизывать шерсть.

Похолодало. Железная дверь перед Каем открывалась все реже и реже, он почти забыл дорогу сюда. Теперь он жил в пыльном подвале рядом с другими котами. Снаружи они готовы были драться за каждый клочок земли, здесь же терпели друг друга и даже ели вместе из пластиковой миски, которую несколько раз в неделю наполняла добросердечная бабушка.

Быстро пролетело время, полное забот, волнений, охоты и драк. Наступила третья зима Кая, самая тяжелая и жестокая зима Кая, холодная, болезненная и безрадостная. Такая зима, когда хвост чернеет изнутри, когда шерсть смерзается клочьями, когда ты лижешь воспаленным языком оледенелые помои, когда вы изо всех сил жметесь друг к другу со своими братьями и заклятыми врагами, но все равно никак не можете согреться.

В эти дни, забившись в подвале под теплую, под полную огня, под пылающую изнутри трубу, когда одна половина тела изнемогает от жара, а другая – от холода, ты ворочаешься беспокойно, но потом, смирившись, ложишься клубочком и терпишь, лениво прикрыв глаза, терпишь и сжимаешься; в эти дни, когда ничего не хочется и особенно не хочется куда-то идти, ты все равно идешь, ступая мягкими лапками по холодному снегу, и глядишь в теплые окна, горящие праздничными огоньками, и глядишь на запертый непробиваемый неприступный железный бастион – на железную дверь, смутно знакомую, ведь ты уже забыл, что там за ней, силишься вспомнить и не можешь; надо искать еду, и ты завидуешь сытым собакам, радостно резвящимся на улице вместе с людьми, и боишься этих сытых, пышущих жаром собак, ведь ты слаб и можешь не успеть увернуться от острых зубов и быстрых лап; морозный воздух прожигает твой нос, и усы, покрывшиеся инеем, уже почти ничего не чувствуют.

Ты готов жевать даже черствую краюху хлеба, и все вы, твои братья и сестры, выживаете только милостью одинокой старушки в шали и толстых заиндеветших очках.

Однажды старушка пропала, и вот уже несколько дней коты сидели без еды. Почуввав близкую смерть, Кай покинул это место и отправился в долгое путешествие сквозь пургу. Опустив хвост и голову, он брел во мгле, и снег все равно слепил, попадая в глаза. Только в стучащем сердце еще чувствовалось тепло, но лапы уже стали такими же, как снег, как холодная пурга и как лед. Кай все брел и брел, заглядывая порой в подвалы, останавливаясь там погреться, проваливаясь в беспокойный сон. Он смотрел на спешащих куда-то людей: они укрывали в руках свертки и несли пакеты, откуда пахло – он все еще мог чуют – пахло едой.

Люди были радостные, Кай это чувствовал. Он поднимал голову и смотрел на них. Одна девочка посмотрела в ответ, румяная, в вязаной шапочке. Кай хрипло замаячил и подошел ближе. Но тут появился отец, взял девочку за руку, и они зашагали прочь. Она только один раз еще оглянулась назад, а Кай так и остался сидеть у двери магазина.

Уставший и вымотанный, он побрел дальше, пробрался сквозь узкую решетку в очередной темный подвал – нужно было поспать, отдохнуть, больше не оставалось сил. Из темноты на Кая уставилось несколько пар злых сверкающих глаз. Послышалось ворчание, и он заворчал в ответ, он не хотел уходить в холод да и не мог уже. Его рев был слабым, а рев соперников – мощным, опасным.

Они приближались. Кай отступал. Дальше нельзя, иначе снова в пургу. Кай замер. Кай выгнул спину, впустился, как мог, но не отступал больше, хотя чувствовал-знал, что он слабее. Инстинкты кричали об опасности, и сердце бешено билось. Прыжок. И черная, растрепанная черная, накинута тень, лихая черная растрепанная, мелькнула тень. Кай

не был готов. Они покатались кубарем, провалились с ревом куда-то вниз, в мерзлую пыль подвала. Соперник очутился сверху, и Кай только бил наотмашь свободными лапами. Что-то теплое брызнуло и потекло – кажется, он повредил сопернику глаз. Тот взъярился еще больше и яростным шквалом острых когтей-зубов-лап стал рвать и взрывать плоть Кая рваными полосами, вырывая и разрывая куски кожи и мяса, и оторвал большой кусок уха. Кай заревел

от боли, всем телом рванулся вправо и высвободился из хватки. Коты разбежались и стали угрожающе шипеть.

Снова прыжок. Это не было похоже на те сытые летние поединки котов, случающиеся, скорее, от скуки. Снова боль, когти, мышцы, напряжение, пульсация. Бой насмерть. Выжить. Но Кай все равно отступал. Взмах, взмах, взмах. Кровь повсюду, в темноте кто-то приближается. Каю вдруг стало очень страшно, так страшно, как никогда не было страшно, он развернулся и побежал, но спасительная решетка была далеко. Он забился в грязный угол. Соперник, грозно размахивая хвостом, стал медленно приближаться. Бежать некуда. Сил нет.

Долгое, томительное мяучанье. Нет сил кричать, но ты кричишь, разинув пасть, и щеришь усы. Враг чувствует свою силу. Враг чувствует свою силу и наслаждается ею. Сейчас будет прыжок...

В отчаянии Кай напал первым. Ему удалось застать соперника врасплох, и черная тень, теперь похожая на рваную тряпку, стала отступать. Это длилось лишь несколько секунд, а потом Кай ощутил сбивающую с ног усталость. Прыжок забрал едва ли не все его силы, движения замедлились. Тут же на него обрушился ответный шквал ударов, а на шее сомкнулись острые зубы. Кай попытался, но не смог вырваться, и оба кота повалились наземь. Держа Кая за шею, противник применил самый коварный кошачий удар – он выпустил когти на задних лапах и стал молотить ими, стараясь распороть Каю живот. Кай тоже молотил всеми лапами, защищаясь от ударов, получал глубокие порезы, но изо всех сил старался вырваться, выжить. Ему повезло. Ударив вслепую, он зацепил крючковатым когтем второй глаз черного кота. Раздался рев, и на секунду хватка ослабла.

Кай вырвался и побежал прочь – к решетке, которая освещала мрак подвала холодным призрачным светом. Прочь, на свет, в пургу. Дыхание ветра обожгло его раны. Кай не оглядываясь побежал по снегу и льду. Он не видел ничего перед собой. Сначала раны ныли, потом холод проник в них, и Кай перестал чувствовать боль. Тогда он, наконец, остановился, он не мог больше бежать, он не знал, где находится.

Кай поднял голову – перед ним в холодном мареве возник высокий дом, окна которого светились теплым светом. Страх больше не было, не было и желания выжить. Кай ощутил волну тепла, накатившую откуда-то изнутри. Окна. Быть может, прямо сейчас там сидит какой-нибудь кот, смотрит в окно и грезит о вольной жизни?

Вход в дом охраняется неприступной железной громадой двери. Кай подошел и долго смотрел на эту дверь. Неизвестно, та ли это дверь, из которой он вышел, или какая-то иная. Это было и неважно. Кай завалился на бок, глядя прямо перед собой. Серую железную плиту стала медленно заволакивать тьма, веки сомкнулись. Последние капли боли, усталости и напряжения стали уходить, уноситься куда-то далеко-далеко, а тепло все усиливалось, тепло и покой. Нет безудержной гонки, нет надежд, нет опасений, ничего и никогда больше не нужно будет делать, не о чем беспокоиться.

Мягкий желтый свет коснулся век. Кай очнулся на поляне среди пахучих трав. Вокруг был еловый лес, и оранжевое закатное небо наполнилось запахом цветения. Мягкие облака расслаивались и перьями опадали у пылающего горизонта.

Не было ни рваных ран, ни зимы. Шерстка Кая лоснилась, по телу разливались сила и покой, которых он не знал уже давно. Наверх, в гору, вела узкая тропка. Кай побежал по ней. Он точно знал, что это – правильная дорога, и неважно было, куда именно она ведет. Его переполняло чувство полного доверия к миру. Кай наслаждался здоровьем и силой, очень быстро поднимаясь все выше и выше по крутому склону, пока не очутился на утесе, с которого открывался вид на долину, залитую светом закатного солнца: еловые шелестящие шепчущие леса, вспыхивающие то тут,

то там огоньки, извилистая река, вольно раскинувшаяся меж гор, блестящая чешуей волн, словно огромный змей.

Кай остановился и вдохнул полной грудью. На небе, начинавшем темнеть не с востока, а прямо в зените, он увидел первые звезды, сияющие сапфиры, поющие ему о чем-то далеком и беспредельном. Кай заслушался и не заметил, как поднялся на задние лапы, и очнулся, лишь когда коснулся своего лица почти человеческими пальцами. Дальше Кай пошел на двух ногах. Это казалось вполне естественной переменой, это его совсем не удивляло, а наоборот – вызывало чувство чего-то давно знакомого. Тропинка все вилась впереди. Она была живой, она ждала его здесь очень долго, и чем дальше шел Кай, тем сильнее он ощущал восторг земли и камней под своими ногами.

Его окружила стайка мерцающих огоньков. Лапой-рукой Кай попытался коснуться одного, но огонек все время ускользал. Светлые огоньки обдавали пальцы теплом, а голубые слегка охладили. Эти ощущения были приятны.

Из-за деревьев на уступе выплыла высокая витая башня цвета слоновой кости, монолитная, с золотым шпилем. Вход в башню предваряла изящная терраса, зависшая над бездной. Вид на долину отсюда захватывал дух. Кай направился к террасе, где, он точно это знал, его уже ждали. Там собрались коты и кошки, а может быть, это были вовсе не коты и не кошки; он сам уже не знал, кот он или нечто другое? Тела кошек были изящны и тонки или пышны, но музыкальны. Коты же выглядели сильными и атлетичными, но в меру. Их одежду составляли тонкие вуали, золотые украшения

и драгоценные камни.

Кай был наг, но стоило только подумать об этом, как сама собой на нем возникла одежда – зеленый плащ, изумрудная тиара, серебряные браслеты с украшениями из малахита и лунными камнями в центральных розетках, обрамленных тончайшими узорами, туника и пояс из зеленого шелка с золотым и серебряным шитьем.

Он взошел на террасу у башни, окруженный сонмами огоньков, которые слетались к нему отовсюду, и музыка, которую тонкие лапки кошек извлекали из призрачных арф, затихла. Все обратили на него свои благородные взоры. Они улыбались и приветствовали его, он это знал, хотя

не было сказано ни слова.

Кай сел на пустующее место у балюстрады и стал смотреть, как догорает закат. Музыка зазвучала снова, и все

по очереди стали читать стихи. Это были даже не стихи и не песни, это был естественный способ общения благородного собрания. Вскоре очередь дошла и до Кая, и он, немного смущаясь, молвил:

*«Я из мглы и мороза,
рожденный в грязной коробке,
я, спешащий жить,
где отдыхаю теперь?
Ответьте, о благородные,
утолите вы мою ненасытную жажду,
скажите,*

*что же такое
кошачий мед?»*

И ему отвечала прекраснейшая из кошек:

*«О достойный, в благородстве
ты превосходишь каждого здесь.*

*И мудростью нет подобных тебе,
ответь же ты сам на этот вопрос».*

«Я не знаю», – ответил ей Кай.

«Тогда открой свои очи», – ответила кошка.

«Мои очи открыты», – ответил Кай.

«Тогда смотри, медоокий», – ответила кошка.

Кай замер, прислушался к себе и стал смотреть. Кай стал видеть, видеть не глазами, он стал видеть само зрение, он стал видеть все органы чувств и все ощущения, изнутри и снаружи. Как никогда ясно он увидел, что есть кошачий мед – это было нечто, подобное вневременному свету, разлитому повсюду в пространстве. Он чувствовал это еще котенком, но соприкасался с ним лишь в пиковые моменты своей жизни. Тем не менее, кошачий мед был всегда и пронизывал каждое мгновение жизни.

Когда он пил воду – это был кошачий мед, когда он ел мясо – это тоже был кошачий мед, и даже когда он ничего не ел и не пил – это все равно был кошачий мед! Да и не только кошачий – им были пронизаны собаки, мыши, люди, насекомые, двери, окна и камни, вообще все.

*«Я понял, о луноокая, – молвил Кай. – Но, ответь мне, молю,
мудрейшая из кошек, скажи,
зачем мы живем?»*

Ведь мед – вот он, повсюду, всегда.

Почему мы, подобно слепцам, не видим его?

Почему мы, подобно разлученным возлюбленным, тоскуем по нему?

Почему мы, подобно нищим бродягам, голодаем без него?»

«Открой глаза еще шире, о превосходный!» – отвечала ему кошка, и Кай увидел всю свою кошачью жизнь – от начала и до самого конца, но так и не нашел ответа.

«Я не знаю ответа, о прекраснейшая! В этой жизни я не знал ничего о кошачьем меде. А если и соприкасался с ним, то тут же забывал и снова бежал куда-то, пытаюсь настичь добычу, пытаюсь избежать неприятностей. Добыча ускользнула из моих лап, а неприятности преследовали меня, словно тень. Я обрел только горечь, боль и бесславную гибель.

*А здесь, здесь кошачий мед разлит повсюду,
здесь он чувствуется даже в аромате цветов,
здесь он слезами стекает с плачущих ив
у берега молочной реки».*

«Смотри глубже, смотри в самую суть, о держатель драгоценного алмаза», – ответила ему кошка.

«В самые острые, подобные готовой сорваться капельке росы на кончике листика, моменты жизни я видел кошачий мед, но не помню, чтобы хоть раз пил его осмысленно», – ответил ей Кай.

«А пытался ли ты хоть раз это осуществить, о драгоценный?» – ответила ему кошка.

«Я не мог даже помыслить об этом, о всеобъемлющая!» – ответил ей Кай.

«Продолжай смотреть, всегда наблюдай за происходящим без отвлечения, о восхваляемый в тысяче миров герой, и знай, что все это благородное собрание, которое ты видишь перед собою, – такие же кошки и коты, такие же, как ты в этой и других жизнях. Не думаешь ли ты, о великолепный, что кто-то из нас знает больше, чем ты сам?» – ответила ему кошка.

«Когда умерла моя сестра – тогда я видел мед, и это помогло жить, но ее смерть добавила горечи в этот вкус.

Когда я видел смерть кота, растерзанного собаками, – тогда я видел мед, но и эта смерть добавила горечи в этот вкус.

Когда я встретил первую мою возлюбленную – тогда я видел мед, и это было сладостно. Кошачий мед – сама жизнь и даже больше того.

В этой жизни мы можем накапливать его. Накапливать не сам мед, а, скорее, накапливать понимание, что, в сущности, одно и то же», – ответил ей Кай.

«Верно, о сострадательный!» – ответила ему кошка.

Она взяла Кая под руку, как супруга, и они вошли в проем башни. Здесь в узорных горшочках, в священных горшочках, изображавших котов, сложивших под собой лапки и закрывших глаза, в этих прелестных горшочках сиял кошачий мед. В одних горшочках меда было очень мало, лишь на самом доньшке, другие же были полны до краев.

«Свет моих очей, – сказал Кай, глядя в зеленые глаза-изумруды своей спутницы, – я знаю тебя бесчисленное количество жизней, с безначальных времен».

«И я тебя тоже знаю, герой тысячи миров», – ответила ему кошка.

«И знаешь, – сказал Кай, глядя в ее зеленые глаза-изумруды, – я был жаден, неосознанно, но это все равно жадность. Я изнемогал от жажды, я желал пить мед со всей страстью. Теперь я не хочу этого».

«Каково же теперь твое искреннее желание?» – спросила его кошка.

«Если я вернусь к жизни, – сказал Кай, глядя в ее зеленые глаза-изумруды, – то снова буду подобен одинокому пилигриму, бредущему под жарким солнцем и на холодном ветру в своих никчемных обносках.

Я буду жаждать меда сильнее, чем путник, умирающий в пустыне, жаждет получить хотя бы капельку влаги.

Но мое искреннее желание – делиться медом с другими. Быть может, для этого и существуют коты на свете, для этого копят драгоценные капли в сосуде своей жизни?»

«О тысячеликый, превосходный алмазный владыка, ответь, скажи, хотел бы ты вернуться к жизни или желаешь остаться здесь, вместе с благородным собранием?» – спросила его кошка.

«Я хотел бы вернуться к жизни», – ответил ей Кай.

Она снова взяла Кая под руку и повела его через террасу – Кай встретился взглядами с членами благородного

собрания, и с каждым возникло чувство глубокого узнавания и доверия. Спутница вывела его на тропинку, по которой Кай пришел сюда. Он поглядел вверх, ввысь, куда изо всех сил тянулась гора. Кай неожиданно почувствовал, увидел – и это было непоколебимое знание – что гора эта не имеет вершины, что она бесконечно уходит и уходит в зенит.

Кай обернулся, чтобы спросить об этом свою спутницу, но никого рядом не было, не было ни террасы, ни башни. Он подошел к краю обрыва и поглядел на залитую светом долину. В воздухе теперь мерцала золотистая пыльца, все искрилось в солнечном свете. Кай видел тончайшие переливы цвета, он видел радугу где-то вдали, он увидел радугу, увидел радугу, раскинувшуюся от одного берега до другого прямо над рекой, и улыбнулся.

Подставив ветру лицо, Кай зажмурился, позволил ветру трепать буйную гриву, которой секунду назад не существовало, но разве это важно? Смеясь, Кай вернулся на тропу, но пошел не вниз, откуда пришел, а наверх, в бесконечный зенит. Это было долгое путешествие. Чем выше поднимался Кай, тем сильнее становился золотистый свет, заливавший все вокруг, тем острее бил в нос запах меда, тем больше обнажалась реальность. У Кая возникло ощущение, что он приближается к источнику света, и теперь он уже не шел,

а бежал, несясь вперед изо всех сил, не зная ни боли, ни усталости. С каждым шагом, с каждым вдохом, с каждым мгновением блаженство становилось сильнее, с каждым мгнове-

нием свет становился все невыносимее, и, наконец, на пределе, в точке сингулярности между блаженством и невыносимостью, когда, казалось, возможно было совершить прыжок к источнику всего этого, к источнику кошачьего меда и раствориться навеки в сиянии славы – Кай очнулся.

За окном завывал ветер и хлопала крыльями снежная тьма. За окном не было ничего. Тело ужасно болело, скрежетало костями и пульсировало, но эта боль была теплой. Кай чувствовал прикосновение чьих-то рук. С огромным трудом он поднял голову и посмотрел мутным взглядом на девушку с волосами до плеч, с похожими на сухую траву ароматными волосами, от которых веяло спокойствием, веяло жизнью, веяло чем-то совершенно противоположным холодной пурге. Кай положил голову на теплое шерстяное покрывало и провалился в сон без сновидений.

Кай был слаб, но уже мог ходить. Он с аппетитом ел сухой корм и ластился к новой хозяйке. Нет, конечно, он не мог признать в ней, да и вообще в ком-либо, хозяина. Но она считала себя хозяйкой, и Кай из благодарности никогда не спорил.

Со временем слабость прошла, но не бесследно. Кай лишился половины уха, и холод угнезвился где-то внутри, под ребрами, – это была тянущая и сдавливающая внутренности мерзлота. Иногда было очень сложно и больно ходить в туалет. Но это не слишком беспокоило Кая, ведь он вернулся к жизни и нес ответственный пост. Под новогодней елкой, среди блестящих шаров и мишуры он был главным украшением дома и принимал это со смирением.

Хотя после чудесного сна Кай не обрел дара речи, хотя он и забыл обо всем, что ему придалось в момент, который мог бы быть последним в его короткой жизни, он стал яснее чувствовать близость кошачьего меда: он видел его янтарный свет в отблеске новогодних шаров, он видел его

в любящих глазах хозяйки, в глазах ее друзей и подруг. Иногда он мог пить мед, хотя для наблюдателя со стороны это была самая обычная вода из-под крана.

Начались долгие дни лежания, долгие дни ожидания хозяйки в пустой квартире, которые были хороши, но скучны до безобразия. Кай лениво игрался с мишурой, объедался и, лежа животом вверх на подоконнике, глядел на заснеженный город. День за днем он смотрел, как, медленно, отступает зима.

С каждым днем приближалась весна, сперва незаметно, но Кай все равно почувствовал ее, почувствовал глубоко под снегом, далеко за горизонтом, потом – быстрее, когда солнечный свет переменялся и едва уловимое тепло стало ощутимее.

Вместе с запахами весны Кай снова услышал зов большого мира за стеклом, снова он начал священную войну против замкнутого куба, в который люди добровольно заточают себя и своих любимых. Кай бегал из угла в угол, опрокидывал посуду, кричал изо всех сил и метил территорию так, словно это были его собственные, принадлежащие ему по праву охотничьи уголья.

Когда тепло превратилось в жар, когда растаяли все сосульки и звон капли эхом растворялся в пространстве, когда ручьи талого снега завершили свой бег, когда проклюнулась свежая новорожденная травка, хозяйка сказала Каю:

– Ты правда так хочешь на улицу?

Кай громко мяукнул и посмотрел в окно.

– Хорошо, – сказала она. – Хоть сердце мое и разрывается, я отпущу тебя.

Хозяйка взяла его на руки. Кай в последний раз оглядел комнату. Почему-то ему захотелось жалобно замычать,

но он сдержался. Она понесла Кая вниз по пахнущему собаками подъезду, понесла его вниз по пахнущему валерьянкой и котлетами подъезду, вниз, еще ниже – снова к неприступной железной двери между мирами.

Как в первый раз звуки, запахи и цвета ворвались в мозг Кая, одурманили его, закружили.

Хозяйка на прощание

потерлась лицом об его мордочку, он промяучил в ответ

и, наконец, почувствовал подушечками лапок шершавый асфальт. Кай замер, полностью открывшись опустошающему урагану чувств.

– Ну, ты приходи, Кай, если захочешь, я тебя накормлю

и вылечу, – сказала хозяйка, всхлипнула – она чувствовала и знала, что это прощание. –

Береги себя, – она еще раз всхлипнула, развернулась и вошла в подъезд. Дверь захлопнулась.

Кай, обернувшись, несколько мгновений смотрел на этот неприступный бастион, вновь отделивший его от мира людей. А через несколько секунд, забыв обо всем, что было

и чего не было, побежал неизвестно куда, неизвестно зачем, навстречу новой свободе и свежему весеннему ветру, все еще холодному, ледящему, но такому радостному и привольному!

Больше Кай никогда не видел хозяйку.

Он бродил по весенним улицам, восторженный и немного печальный.

Действие третье: конец лета

Старый девятилетний бродяга добра, идущий, с мудрыми усами, седыми, куда глаза глядят, вдоль дороги, не пугаясь машин. Вдоль дороги – вперед, к кошачьему месту. Вдоль дороги бродяга бредет. Разве бредят так коты?

Разве бредут они так – просто вперед?

Он оглянулся. Коты так не бродят, коты ищут теплого места, коты ищут еды, коты дерутся за еду и за кошек, коты, хотя и выглядят как бродяги, редко становятся настоящими бродягами. Но Кай стал.

Он свернул на запах вкусной еды, и, по густой траве шелестя, не обращая внимания на юрких мышек-полевок,

на юрких мышек урожая, он вышел к поляне. У поляны – машина, люди, голоса, смех, музыка. Люди обижали его, но он не утратил доверия. Каждый раз – новая святая удача. Он вышел из высокой травы на поляну, он вышел просить еды, он подошел незаметно, выпрямив хвост, и встал, глядя на черный мангал, на черный, ароматно дымящий мангал, норовя заглянуть людям в лицо, норовя встретиться с ними глазами.

И они заметили его, и они стали говорить о нем, и, конечно, никто не стал гладить его, и, конечно, никто не стал брать его на руки. Ведь он – бродяга, он знал это, и оставил надежду, и стал свободен от надежды. Он замяучил, раскрыв алую пасть, продемонстрировал узкие желтые клыки.

И было дано, и было дано, и был кусок мяса, жилистый

с жиром, прекрасный кусок мяса, который он жевал и разрывал, который он проглатывал и проглотил. Люди фотографировали, улыбались ему, и он, закончив, тоже улыбнулся им по-кошачьи и исчез незаметно, ушел своей дорогой.

Он встретился с кошкой, с молодой бело-черной белогривой бело-игривой кошкой с голубыми глазами. Это было место, похожее на дом его детства, на деревенский дом его детства, на фермерский дом его детства. Здесь тоже был дом, но он не мог войти в этот дом красного цвета с крышей из шифера, в большой дом с большой веселой семьей и кучей веснушчатых детишек, дом, откуда всегда пахло вкусной едой. Вот такой был этот урожайный дом в колосащемся море пшеницы, вот такой был этот дом.

И в доме-доме этом жила вольная голубоглазая кошка, и в доме-доме этом жил сварливый кот, и во дворе-дворе дома-дома этого за деревянным забором-забором кривым, по перекладинам которого можно было так легко и грациозно гулять и даже лежать там, открывшись теплему солнышку, стояла зеленая, блестящая, как спинка жука, машина-машина. В доме-доме этом пахло детством.

Кай встретил кошку голубоглазую в предвечернем сарае. Она лежала-лежала на соломе, а вокруг валялось зерно,

и наглые мыши-мыши его подбирали и ели, а кошка мяучила-мяучила и смотрела. Она спряталась, увидев странного чужака впервые, увидев пришедшего на зов, она спряталась-спряталась и робко разглядывала его из-за картонной коробки, и солнце-солнце раскидало меж ними свои пыльные лучики.

Бродяга Кай втянул ноздрями запах кошачьего меда,

в предвечерье он всегда чувствовал его аромат особенно остро, он был утомлен и заинтересован, он просто лег

на сено, вытянул лапы и положил на них свою мудрую глупую голову, прикрыл глаза.

А кошка-кошка пугливо глядела

на чужака.

Кай проснулся от шипения старого сварливого пушистого, пушащегося во все стороны, растрепанного старого кота, он шипел на Кая и ревел, старик с уродливой клюкой, размахивал ей он и молотил хвостом. Была ночь. Кай поднялся и глянул на старика без злобы, но тоже вздыбился. Так не хотелось уходить-уходить из милого места, где пахнет кошкой, где пахнет детством, где пахнет и старым котом, но Кай не имел ничего против старого кота.

Они подрались. Кай был не в лучшей форме после девяти прожитых зим, но соперник был стар и неповоротлив, ему пришлось позорно убежать, покинуть владения былой славы. А Кай вылизал царапины и отправился на охоту.

Он бродил в холодном осеннем воздухе и глядел на догорающую жизнь светлячков, он бродил у речушки в ивах, он внюхивался в ночь и, замерев, точным прыжком ловил маленького суслика. Получилось не сразу, только с третьей попытки. Не спеша, под темным небом он съел добычу.

Запах, он давно его чувствовал – кошка тоже ходит здесь, ходит-бродит, но на что ей охота? – так, развлечение, ведь в красном доме-доме ждет миска, полная пищи. Она наблюдала за ним сейчас, и Кай это знал. Он смотрел, как в тишине течет и журчит речушка, слышал медовую песнь каких-то насекомых, которые скоро, совсем скоро умрут. Когда тучи рассеялись, а небо вызвездило космическим холодом, Кай поднял желтые глаза и увидел луну.

Никто не пытался прогнать Кая с фермы, даже старому ворчуну пришлось смириться – он избегал Кая и грязно ругался под нос при нечаянной встрече. Люди позволяли Каю остаться – наверное, решили, что он будет ловить мышей. Кай это делал исправно и был им благодарен.

А кошка-кошка с голубыми глазами, она жила-была

в двух мирах – в мире красного дома и в его сарае, они виделись порой и глядели друг на друга, лежали вместе, играли как котята. Давно Кай ни с кем не играл – это было подарком. В этих играх, в ласковых играх котят, он забылся, потонул и всплывал наружу, только когда оставался один

в предвечернем сарае в ожидании вечера.

Когда подули холодные ветры и листья приятным ковром застелили землю у реки, и когда пшеница уже была скошена, и когда люди убрали все зерно, и когда собрали весь урожай, она родила четырех котят, здесь, в сарае, она ушла-ушла из дому и обустроила гнездо среди сена, в глубине сена, в темной глубине, прелой глубине сена было кошачье гнездо, полное котят.

Когда она еще не свила гнездо и только готовилась родить, Кай приносил мышей и оставлял на пороге у дома, и, конечно, он видел, что люди выкидывали их, но он все равно это делал и продолжал приносить добычу в гнездо все те дни.

Он видел, он видел, как мать вылизывала детей, когда он присутствовал, и, когда он смотрел и видел это, и видел, как кошачий мед струится, наполняет их жизнью и наполняет их жизнь, он чувствовал в этот момент радость, глядя на нее, на котят и на нее, как она облизывает их, и слюна ее, и все это было кошачьим медом.

Три дня Кай заботился о кошке и приносил пищу, он приносил мышей, и птичек, и все, что удавалось раздобыть. Люди подкармливали его. Человеческие дары он тоже предлагал ей. Голубоглазая кошка шипела-шипела на Кая всякий раз, как он приближался. Кай просто оставлял пищу и уходил прочь.

Скоро люди обнаружили гнездо, забрали кошку и котят. Кай снова остался один в сарае. Почему-то он грустил и вспоминал горько-сладкий вкус, который ощущал, глядя на свое потомство. Еще несколько дней он приносил мышей и клал их на порог красного дома, а потом перестал это делать и сам занял еще недавно такое теплое гнездо в сарае.

Вечерело, выпал первый снег, когда он увидел ее в окне и обрадовался, подняв хвост. Хотелось посмотреть на нее и котят, и этого было достаточно. Кай никогда раньше не заботился о потомстве, а потомства он оставил немало. После совокупления он тут же терял интерес, уходил прочь. Сейчас было иначе – что-то внутри, в самом сердце, заставляло его переживать и грустить.

Кай свернулся клубком в своем гнезде и стал видеть сны, в которых был снег, была луна, было тепло и уютно. На шерстяном одеяле он лежал вместе с кем-то теплым и плакал. Кто-то гладил его по голове.

Проснувшись, Кай почувствовал себя гораздо легче и свободнее. Новая ночь, хоть и холодная, полная ветра

и мокрого снега, несла свежесть, несла очищение для уставшего мира.

Поля, деревья, дом и двор застелило, засыпало первым мягким белым-белым снегом, и дети выбежали играть

во двор. Они кидались снежками и пытались слепить снеговика, который все время разваливался.

В соломенном гнезде Кай провел всю зиму, одну из лучших зим. Он зарывался глубоко в сено, а от стены, прилегающей к дому, исходило тепло – там топилась большая печь и черный дым клубами валил из трубы. Кай ловил снежинки, Кай много спал, у него была пища, которую приносили люди. Иногда заходила кошка с голубыми глазами, и они снова играли.

Однажды из дома в мягкий пушистый снег выбежали котята. Они были еще маленькими игрушечными комочками. Кошка ходила рядом, она учила их кошачьим премудростям, учила красться и прыгать, только вот добычи никакой в снегу не было. Кай вышел навстречу, но кошка зашипела, кошка выпустила когти и прогнала его прочь.

В середине зимы, в морозную ночь, Кай повстречал старика – тот кашлял и едва волочил лапы, он был плох, он ушел из теплого дома и призраком возник на пороге сарая. Старик всегда

избегал Кая и никогда больше не появлялся в сарае после первой их встречи. Но теперь он пришел, поглядел на Кая спокойными исстрадавшимися глазами,

в которых не было уже ни злобы, ни обиды. Старый кот забился в дальний, самый темный и пыльный угол, и затих. Лишь изредка тишину нарушал его хриплый кашель.

Кай подошел к старику, встретился с его удивительно ясным взглядом и просто лег рядом, он заурчал, как мама учила в детстве, как она урчала, когда он сам был котенком, уткнувшись в ее теплый живот, он лег рядом, чтобы согреть старого кота, чтобы быть рядом.

Без пищи и воды Кай пролежал с ним весь день и всю ночь. Старик лежал, прикрыв глаза, но не спал. Иногда он заходил в приступы хриплого кашля, а потом плакал скудными старческими слезами, отпуская всю боль

и напряжение долгой жизни. Утром он умер. Кай вдохнул запах быстро остывающего тела – оно пахло кошачьим медом.

Зима пошла на убыль, и соломы в сарае заметно поубавилось. Кай теперь спал на чердаке красного дома.

Он перебрался туда еще и потому, что тело старого кота стало разлагаться и вонять. Люди нашли и закопали его, но Кай больше не хотел возвращаться в сарай. На чердаке ему приходилось спать на жестких пыльных досках, зато возле ржавой трубы было очень тепло. Он никогда не пытался проникнуть в дом незваным гостем и довольствовался тем, что есть.

Когда растаял лед и потекли ручьи, когда вновь запахло новой жизнью, когда весь мир пришел в движение, когда снова захотелось бегать, играть и резвиться, тогда Кай вновь увидел котят, уже больших и самостоятельных.

За зиму они сильно выросли и теперь могли исследовать мир без помощи матери. Они гурьбой выбежали за порог

и замерли на мерзлой земле, морщась от холода, осторожно касаясь лапками еще не растаявшего снега. Они вдыхали запах весны, они вдыхали кошачий мед.

Сперва они боялись Кая. Но он просто был рядом,

и вскоре котята, которых выпускали гулять все чаще, привыкли к его присутствию. Иногда они играли вместе. Больше всего полюбила Кая маленькая кошечка, самая резвая, с разноцветными глазами – один желтый, как у Кая, второй – голубой, как у матери. Остальные держались от него в стороне. Один котенок был очень флегматичным, спокойным, часто уходил и подолгу пропадал где-то в поле или

у реки, двое других – задира и забияка – все время дрались друг с другом во дворе.

Когда снег еще окончательно растаял, когда кончился холод, когда тепла капель, а из земли показалась трава, кошка стала навещать Кая чаще. Голубоглазая мать; он чувствовал, что она похожа на его мать. Их игры стали спокойнее. Она не переносила присутствия своих детей, которые уже выросли, она сделала для них все, что требовал долг,

и теперь недовольно щерилась, если кто-то подходил

к ней слишком близко. Кай же, напротив, был рад любой компании.

Голубоглазая возлюбленная его, чуя весну, отставляла ноги назад, ластилась и каталась по оставшейся в сарае соломе, куда снова перебрался спать Кай.

Наступила череда теплых дней. В один из них Кай проснулся и вышел во двор. Солнце грело так хорошо; он зажмурился, потянулся. Вокруг пели птицы, люди были заняты работой, весь мир куда-то двигался, жил, источал запахи и ароматы, радовался и пел.

В своей миске Кай нашел кусок мяса и молоко —

настоящее пиршество, какое случалось нечасто.

С огромным удовольствием он съел мясо и вылакал молоко, на усах остались белые капельки.

Кай еще раз потянулся, оглядел всю ферму: красный дом, сарай, скотный двор, широкое поле, готовое родить. Его никто не видел. Кай медленно зашагал прочь, взобрался на забор, последний раз прошелся по деревянной балке, спрыгнул за ограду, прошел по берегу реки под тенистыми ветвями прибрежных ив. Наметанным взглядом он замечал мышей и робких сусликов, но ему не хотелось охотиться.

Кай пересек поле, следуя вдоль узкой тропинки, и вновь оказался на обочине дороги, по которой со свистом проносились машины.

Действие четвёртое: последняя станция

- Черт подери, да что он творит?
- Ебанутый кот! Куда лезешь?

Но Кай уже забрался на платформу. Здесь сидели двое бродяг. Один – в вязаной красной шапке, с кустистой бородой, похожей на корни травы с налипшими комками грязи, и седыми выющимися прядями волос. Лицо его – большое, морщинистое, как у старого дуба, с большим выдающимся носом. Глаза – тоже большие, широко открытые, с желтоватыми белками. Кай сразу распознал в них отчаянную

небесную ясность.

У второго бродяги были короткие светлые волосы,

он был худощав, через держащуюся на нескольких пуговицах клетчатую рубашку просвечивали выступающие ребра и впалый живот. Парню было пятнадцать-семнадцать лет. В том, как топорщатся его волосы, как растет щетина, как острится его напряженное лицо и двигаются желваки, в его ясно-голубых ангельских глазах – глазах отца, глазах безумца и хулигана; во всем этом читалось отчаянное стремление жить, жить изо всех сил, жить на пределе.

Это тоже нравилось Каю, но также ему нравилась и нагретая утренним солнцем платформа товарного поезда,

где можно было немного понежиться в тепле.

В руках у старого бродяги была бутылка портвейна, полупустая, зеленая, с черной бурой жидкостью, внутри плескавшейся, перекатывавшейся, словно вязкая слизь, медленно ползущей к горлышку. С бульканьем, когда бродяга прикладывался к бутылке, они соединялись – зеленое горлышко

и алые растрескавшиеся пыльные живые страждущие губы. Вязкий терпкий яд прокатывался по широкой глотке, и несколько раз, словно гигантский поршень, поднимался

и опускался кадык, и в мутном зеленом стекле ослепительно блестело солнце. Кай жмурился, а бродяга отставлял

бутылку и грязным рукавом рваного пиджака утирал губы.

– Батя, ты щас все выхлесташь, оставь на дорогу.

– Нормально, – хриплым голосом ответил отец, – смотри, какое хорошенькое утречко сегодня, все блестит,

вон кот тоже знает и лежит себе. На, – он протянул бутылку,

и его сын сделал несколько резких жадных торопливых глотков.

– Эх, котяра-котяра, бля, обормот, – старый бродяга придвинулся, пошатнувшись, к Каю и большой грубой ручищей стал гладить того за ушком, по голове, стал чесать пузо,

а Кай развалился, глядя в ослепительное небо. Давно его никто не гладил, он жмурился в лучах солнца, а бродяга смеялся.

– Этот кошак едет с нами, – сказал сын, играясь с монеткой, перекатывая ее между костяшками тонких пальцев. Резким движением он отправил монетку в зенит, не глядя поймал ее, перевернул и поднес к глазам: – Отвечаю,

с нами поедет.

– Ну и пуцай едет, – заплетающимся языком ответил отец, развалившийся по примеру Кая животом вверх. —

Эх, бляха-муха, хорошо, а?

Поезд дернулся, и мир пошатнулся: деревья, дома, жидкость в бутылке – все, даже солнце, подпрыгнуло. Затем платформа тронулась, медленно стал двигаться состав, точнее, это небо над головами трех бродяг пришло в движение, другие поезда тоже пришли в движение. Весь мир куда-то поехал, а солнечная платформа стала единственной неподвижной точкой во вселенной, вокруг которой ускорялся и закручивался в спирали хаос – сперва убежали куда-то поезда, затем деревья, зеленые холмы и маленькие домики тоже понеслись прочь.

Кая эта перемена нисколько не испугала, он так и лежал, глядя на проносящиеся пейзажи, слушая веселый перестук колес.

– Да это в натуре просветленный кот! – закричал в восторге сын. – Сидит и в хуй не дует, ему все по барабану, этому коту!

Отец лишь многозначительно отхлебнул из бутылки. Поезд выехал из пригорода и несясь теперь по зеленой равнине, на которой то тут, то там были разбросаны редкие деревеньки, паслись тучные стада, сверкали озера и речушка вилась серебряной лентой в кустистом лоне прибрежных ив.

– Охуенский кот! – не унимался сын, перекивая лязг сцеплений. – Это просто бомбический кот, бля, я тащусь от этого кота, – он смеялся и неистовствовал, повторяя в своем безумстве, словно заклинания, подобные фразы. – И прекрасная эта хуйня, и трава, и небо и все, все, все, все! – он вскочил, рванул ворот рубахи, и пуговицы, маленькие пуговицы с розовыми полосками, разлетелись прочь. Ветер растрепал его волосы и обнажил впалую грудь.

Отец только хмыкал, бормотал что-то под нос, улыбался немного грустно и прикладывался к бутылке.

Путники сошли на жаркой полуденной станции, среди разморенных поездов, в маленьком городке, в городке заходящего солнца. Кай увязался за людьми, за бродягами, идущими невесть куда, в переулки предвечерней истомы. На улицах городка, полнящихся праздными летними людьми, праздными летними животными, праздными летними птицами – уставшими и очень легкими.

Кай побежал вперед и нырнул в прохладный переулок.

– Эй, куда ты? – крикнул сын и побежал следом. Нос к носу он столкнулся с каким-то лысеющим человечком. Человечек неловко завалился на задницу, уронил пакеты, из которых посыпалась еда – яблоки, колбаса, несколько консервных банок.

– Извините, – пробормотал молодой бродяга и бросился собирать рассыпанные богатства.

Человечек встал, отряхнулся; он выглядел немного раздраженным, он поправил толстые очки в роговой оправе.

– Эт, вы простите нас, – пробормотал подоспевший отец, – мы не хотели ничего плохого.

– Да-да, – быстро бормотал сын и судорожно запихивал продукты обратно в пакет, – держите, вот, вот все ваше.

Человечек продолжал смотреть, казалось, он был очень недоволен, даже зол, он что-то напряженно обдумывал, на лбу залегла тяжелая складка.

– Забирайте, – наконец сказал человечек. – Держите, держите. Вам пригодится, поешьте. А мне – нет, никогда, – он нервно тряхнул головой, – себе еще куплю.

– Ну, спасибо, – ответил отец, заглянул в пакет, сунул туда руку, радостно и жадно ощупал колбасу, консервы, овощи, хлеб.

– Спасибо, мужик, – сказал сын. – Нам пригодится, но скажи, мужик, в чем дело? Решил в благородного сыграть? Или что не так по жизни?

Человечек дернулся, переступил с ноги на ногу, прежде чем ответить, замялся и закусил губу.

– Неважно, не ваше дело, – буркнул он и зашагал прочь, бросив на асфальт и второй пакет. По асфальту покатались апельсины, в мерцающие влажные дребезги разбилась банка с кабачковой икрой.

– Ебана-воробана! – воскликнул сын. – Батя, глянь, тут дохрена всего! Даже пиво есть! О да, добрый пивчик – это то, что нам нужно сегодня!

– Агась, – отец старательно корябал коросту на затылке. – Че-то странный он какой-то.

– Может, – ответил сын. – Но мы-то че поделаем? Спасибо ему. Ебать, тут еще и святые, мать моя Мария, святые сижки! Это джек-пот!

– Ну, пусть у него заебись все будет, у мужика, – изрек отец в пространство, не обращаясь ни к кому конкретно. – И это, кота надо покормить, вон сколько жратвы у нас! Кыс-кыс-кыс... А, бляха, где он?

– Пропал? – сын оглядел переулок. – Эх, сука, пропал, мировой, самый заебатый кот был! Ну ебана-воробана!

– Да-а, – протянул отец, закуривая. – Этот котяра принес нам удачу. Но раз ушел – так и пушай, пушай еще кому-нибудь посчастливится сегодня.

Бродяги обыскали весь переулок, немного постояли, посмеялись, да и пошли восвояси, дымя сигаретами.

Перед Каем снова возник железный, разделяющий миры монолит.

– Ты откуда такой, котик? – спросил лысеющий человечек в толстых очках. – Вот взял, увязался за мной зачем-то, куда тебя девать, скажи, а?

Кай громко мяукнул.

– Извини, но мне нечего тебе дать, я все отдал бомзам.

Кай промяучил еще несколько раз.

– Ну что тебе надо, гость полночный? – улыбнулся сквозь боль человечек. – Сейчас не полночь, а ты не ворон, иди вон, поохотись, мышек полови, радуйся жизни, если можешь.

Кай молча посмотрел на человечка, наклонил голову, но с места не сдвинулся. Человечек нервно почесал висок, огляделся вокруг, как будто кто-то мог уличить его в том, что он разговаривает с котами, или бог его знает в каких еще грехах. Быть может, застав его в такой ситуации, люди догадаются, что он до сих пор мастурбирует? Человечек поймал себя на этом страхе, еще сильнее сжался, посерел, помрачнел, а потом раздраженно, словно бросая кому-то вызов, сказал:

– Пошли, гость незванный, – и черным ключом-магнитом отворил зачарованный портал меж мирами.

По ту сторону портала была лестница, на которой, как и заведено издревле, пахло собаками, людьми, едой и всякими-разными благами тесных комнатух. Кай третий раз в жизни переступил порог междумирья, но на этот раз, он знал, ненадолго.

Человечек открыл перед Каем дверь и впустил его в бежевую, залитую зеленоватым светом квартиру. Внутри она будто законсервировалась в пыли безысходного одиночества. Обои – простые, с овощами и ромбами, желтый и зеленый, в прихожей – зеркало, дальше – зал с ковром, старые книжные шкафы, ломящиеся от пыльных фолиантов, древних фолиантов с пожелтевшими страницами, на полках – какие-то фотографии, искаженные от старости, оплывшие.

На кухне, куда в первую очередь устремился Кай – ведь любой кот всегда знает, как найти самую важную часть человеческого жилья – стоял маленький столик, на столике – пепельница, рядом – два стула и старый жужжащий трескучий холодильник, на стене – очередные фотокарточки.

– А-а, голодный все-таки... – какое-то слово застряло в горле человечка, он сделал усилие над собой и слабым, раздраженным и одновременно извиняющимся голосом выдавил: – ... бандит, – и неуместно заулыбался, он хотел выглядеть веселым.

Кай перевел взгляд с холодильника на человечка, а потом на фотографии.

– Мои карточки, – сказал человечек. – Только они не старые, я на телефон фотографирую и потом делаю их, ну, будто бы старыми. Мне так нравится. Выхожу, людей фотографирую, пока они не видят, я тихонько, да... – он неловко замолчал, будто снова опасался выдать страшный секрет, и, сделав очередное усилие над собой, продолжил: – ...но у меня есть и пленочная камера, ты не подумай чего такого про меня, ладно?

На черно-белых фотографиях были люди, смазанные силуэты прохожих, улыбающиеся дети, старушки-торговки с местного рыночка. Еще были растения – одуванчик, какие-то цветы, пожухлые листья, были здания с пустыми окнами, трубы заводов, линии электропередач. Все черно-белое с желтоватым оттенком – все какое-то далекое, законсервированное, законсервированная жизнь. Кай мяукнул.

– Ах да, да, – человек отвлекся от своих снимков, открыл темное и почти пустое нутро холодильника. – Ну вот, лампочка сломалась, – пробормотал он, ощупывая руками какие-то банки, и, наконец, достал несколько старых сосисок, очистил их от кожуры и положил на пол. Сосиски пахли невкусно и немного позеленели, их запах вызывал легкую тошноту. Кай осторожно обнюхал их и съел только одну, из вежливости.

Человечек трясущимися руками приготовил себе кофе, неприятно бьющий в нос запахом специй и пыли.

– Котик, грязный ты, да... – он замялся и снова сделал над собой едва заметное, но тяжелое усилие, чтобы продолжить. – Гость полночный, что расскажешь мне? Да нет, – на его лице проявилась какая-то злобная и страдальческая гримаса, – неважно уже, уже нихрена не важно, – он со сдавленным остервенением стукнул кулаком по столу, по клетчатой желто-зеленой клеенке. – А что важно в жизни, а, котик? Да, откуда тебе знать...

Кай запрыгнул на стул, поглядел в глаза человечка сквозь толстые стекла очков, в оплывшие, в тяжелые, в мутные умные глаза, и отвернулся.

– ... Откуда тебе знать, ты и сказать-то ничего не можешь. Вон люди, у кого семья, у кого жена, дети, деньги. А у меня, у меня нет ничего, ничегошеньки. Это ладно, умные люди говорят – пустое. Экклезиаст говорит – суета и томление духа все это. Но ты, правда, не подумай чего, котик, я не религиозный, я не как все. Бог мне не поможет, да и верить в него не хочется, – человечек сунул трясущуюся руку в карман. – Блядь, сигареты тоже бродягам отдал, – выругался он, потянулся к подоконнику, нашарил пачку, достал оттуда папиросу и продолжил свою мысль. – Опиум для народа это все. Слушаешь?

Кай жмурился от солнца, проникавшего сквозь щель между задернутыми шторами. Как только щелкнула зажигалка и человечек сделал первую затяжку, кухоньку затянуло в другое измерение, все увязло в янтарной смоле, даже жужжащая у грязного плафона муха. Кай, кажется, мог различить движения ее крылышек. Дым жемчужными, иссиня-белыми клубами повис в желто-зеленом мареве, медленно раскрываясь узорами, застревающими, с трудом пробивающими себе дорогу в вязком пространстве.

Что-то подобное Кай уже чувствовал раньше и не раз, обычно это предвляло вкус кошачьего меда, но не сейчас. Это была магия человека, она была черна и грязна, как смола, как рыбы внутренности, как деготь. Точнее, она была желтой с виду, в разрезе – мертвенно-зеленой и оставляла осадок черной горечи, но не такой горечи, которой обладает кошачий мед, потому что горечь кошачьего меда – в принятии и любви, а губительной и вредоносной горечи, которая суть отрицание.

– Вот так вот, котик, вот такая вот жизнь. А я что, а я... – человечек сделал усилие. – Я заебался, котик. Родился, да не пригодился, – смола, бурлящая внутри его грудной клетки, нашла выход наружу, потекла изо рта черными струйками. – А я ведь профессор! Ого-го! Пыльный старикан, отглагольные существительные собираю, изучаю Чехова, занимаюсь фотографией и пялюсь на своих студенток, но они, они, блядь, так далеко, эти сучки! – вскрикнул он со злобой, потом вжал голову в плечи, словно ожидая удара, и продолжил извиняющимся тоном: – Ой, что я говорю, что я говорю, дурак! А... – он замолчал и продолжил только спустя несколько секунд: – Вот, вот, мне эпитафию даже некому сочинить. И все-таки к черту все! Я никому не говорил, но... – он огляделся по сторонам и понизил голос до полупшепота, – но я мастурбирую на фотографии своих студенток. Хочешь, покажу, котик? – он крепко затянулся

папиросой, а потом снова резко сжался и дрожащей рукой схватил себя за волосы. – Дурак! Дурак! Дурак! Черт, докатился, с котом разговариваешь!

Кай не шевелился и выглядел умиротворенным, хотя магия человека его душила. Он усталился в единственную точку, в которую мог смотреть, и стал как бы прозрачным, невидимым и – неуязвимым для этого яда. Потом медленно повернул голову, перевел взгляд на солнце, на комнату, залитую янтарем, и муха снова зажужжала, время ускорилося в тысячу раз. С новым вдохом Кай ощутил вкус жизни. В этот момент даже у человечка в глазах молнией сверкнуло какое-то просветление.

– Я... – он осекся и затушил папиросу, ошалело глядя в пространство, но тут же, Кай это увидел, попался на крючок надежды. – Быть может, я смогу измениться, смогу смеяться полной грудью, смогу найти женщину? Все-таки попробовать, а? – и тут же его скрутила судорога страха. – Нет, без толку, это все временное, ерунда, ерунда. Как же я все ненавижу! – крикнул он и запустил пепельницей в старенький холодильник. Потом замолчал и закурил еще одну папиросу.

– Котик, извини меня, – сказал человечек, кусая свои большие розовые губы. – Я должен тебе сказать, должен. Это невыносимо, боль невыносима. И не в женщинах, и не в мастурбации, черт бы ее побрал, и не в реализации желаний дело, хотя и во всем этом тоже, но что-то жрет мое сердце, жрет изнутри, я сам, я сам жру себя, кот! Ты понимаешь!? – он сорвался на дикий вопль. – Это не-вы-но-си-мо! – а потом снова сжался, съежился, на виске его пульсировал маленький сосуд, на лице выступил пот, человечка била мелкая дрожь. Кай смотрел.

– Я, знаешь, – снова зазвучал голос, тихий и прерывистый, человечек задыхался, – я убью, – он говорил это шепотом, как последнюю, самую сокровенную и самую постыдную тайну, – я убью себя сегодня, знаешь, сегодня вечером, – он задохнулся от своих слов, но собрал всю волю в кулак и продолжил, глядя мутными глазами в глаза Кая. – Я прыгну, я сделаю это, я прыгну с моста на закате, в десять-ноль-ноль вечера. Вот так и будет, так будет хорошо, ведь все, все ужасно. Но будет хорошо. А теперь, теперь все, все, все, хватит, хватит, хватит... – последние слова прошелестели слабым ветерком, взъерошившим осенние листья.

Человечек испытал облегчение от того, что высказал, наконец, все, глаза его заблестели и покрылись желтой пленкой, а изо рта, из носа, из ушей его, словно из перерезанной аорты, выплескивалась черная смола.

Человечек схватил Кая обеими руками и выбежал с ним прочь – из квартиры, из подъезда, за дверь – и выкинул его, словно использованную салфетку, на асфальт. Врата в мир людей захлопнулись, Кай стал вылизываться. А профессор с тайным ужасом и ликованием убежал прочь и заперся глубоко в своей комнатушке. Кай оказался единственным существом, посвященным в ужасную тайну одинокого человека.

Это был совсем небольшой городок, и даже в его центре, полном машин и домов, без труда можно было найти тихий уголок. Стоит сойти с главной улицы, и вы попадете в привольное место, где можно ходить по земле без асфальта, где стоят домики, огражденные лишь забором – грань между мирами здесь не так жестка и сурова, особенно для кота, который гуляет сам по себе.

Вот и Кай гулял по высокому железному забору, наслаждаясь солнцем и лаем собак. Все давалась ему легко. Чего бы он не пожелал – все появлялось, он привык. Стоило подумать о еде, как неподалеку, рядом с мусоркой, он находил аппетитный кусок, словно специально оставленный здесь для него, или вдруг замечал нерасторопного толстого грызуна, настичь которого – дело одного прыжка. Он мог охотиться и на птиц, скакавших неподалеку в поисках зерен и червячков, но не делал этого. Почему-то Каю не нравилось убивать птиц. Иногда ему хотелось летать так же высоко, как умеют они.

Довольный и сытый, Кай забрел в тенистое заброшенное здание, чтобы немного поспать. Он был уже взрослым, повидавшим многое котом. За долгую жизнь на его теле осталось множество ноющих ран, но сейчас боль его не беспокоила. Однако поспать не удалось. Из тени под пустым дверным проемом, кирпичным красным обнаженным проемом, показалась маленькая черная тень, и еще одна, и еще. Тощие и голодные, там были другие коты. Кай их не испугался, он запрыгнул в пустой оконный проем и заглянул внутрь – там были еще коты, сколько – он не мог сосчитать. Кай улегся и принялся умыться. Тени стали медленно приближаться, голодные, дикие, один – хромой, второй – в коростах, третий – худой, словно сама смерть. Из мрака смотрело множество глаз.

Кай услышал шипение, медленно повернул голову, увидел солнечный свет – в этот момент свет как бы наполнил его зрачки золотистым сиянием, и вся обстановка преобразилась, теперь он снова был больше похож на человека, хотя и не являлся им. Сами собой появились красивые одежды и украшения. В воздухе витал аромат кошачьего меда, который кружил Каю голову, но он не поддался искушению и в награду получил экстатическую ясность ума.

Других же котов, живущих в этом доме, в этом мрачном доме, он увидел отдаленно похожими на существ из волшебной страны, однако, в отличие от них, эти имели измученный, болезненный вид, одежда их была – черные балахоны и какое-то рваное бесформенное тряпье.

– Чужак! – зашипел черный кот, что подошел первым. – Проваливай отсюда!

– Но почему я должен уходить? – спросил Кай. – Я хочу отдохнуть здесь. А уйду позже.

– Это – наша территория!

– Я не претендую на нее. Позвольте мне отдохнуть здесь, вечером я уйду.

– Нет! Нам тут и без тебя тошно, проваливай!

– Вам тошно, но отчего? – удивился Кай. – Сейчас тепло, здесь прохладно. В округе водятся прекрасные толстые мыши, и на мусорке есть чем поживиться. Я бы остался здесь жить, если бы не моя дорога.

– Ты пришел издеваться над нами, чужак! Нам нечего есть, охота не ладится, мышей почти не осталось, мы изо всех сил пытаемся выжить, и тебе здесь не место!

– Странные вы, – рассмеялся Кай. – Раскройте ваши глаза пошире, выбирайтесь из этого подземелья, и мир даст вам все необходимое.

– Он смеется над нами! – сказал хромой кот, второй после вожака.

– Он смеется над нами, он смеется, – разнеслось шелестом по пещере.

– Я смеюсь, а что вы делаете? – спросил их Кай.

– Мы?

– Тут есть кто-то еще?

– Он издевается над нами, – раздался шелест теней, теряющих кошачий облик.

– Чужак, ты говоришь странные вещи, – шипя и выгибая спину, молвил вожак. – Мы прогоним тебя, а если вздумаешь сопротивляться – уьем. Уходи, по-хорошему уходи!

– Я лишь хочу узнать, что вы здесь делаете?

– Что значит твой глупый вопрос? Что делаем, что мы делаем? – вожак заглянул в глаза хромому. – Что мы делаем?

– Хотим прогнать его вон! – ответил кот.

– Пытаемся выжить, – ответил вожак, – вот что мы делаем. Каждый день пытаемся выжить, пытаемся поймать больше дичи, пытаемся найти лучший кусок на мусорке, пытаемся не угодить в пасть собакам, не оступиться, не заболеть, не умереть. Вот что мы делаем!

– Каждый день? – вежливо уточнил Кай.

– Каждый проклятый день! – рявкнул вожак и вскочил туда же, где сидел Кай, на оконный проем, и угрожающе выгнул спину, глядя Каю прямо в глаза.

– А я делаю то, что хочу, – спокойно ответил Кай. – И это – мой священный долг, который я не могу нарушить. И сейчас я хочу поспать вот здесь, разве я вам мешаю?

– Ах вот как, долг? – рявкнул кот. – Я тебя за это еще больше ненавижу, никто здесь не может делать то, что он хочет, мы лишь боремся со смертью каждый день за жалкую отсрочку. Не сегодня – и хорошо, а завтра – будет видно. Вот как мы живем.

– Вы просто забыли кое-что, – ответил Кай мягко. – Но это поправимо.

– И что же мы забыли, по твоему мнению, о великолепный? – спросил вожак с ядовитым сарказмом.

– Вы забыли, что можно делать то, что хочется. И еще вы забыли о вкусе того, что лежит за пределами этой жизни. Вы слишком увлеклись выживанием.

– Так ты решил научить нас жизни, мессия?! – вожак в ярости набросился на Кая, а за ним потянулась и вся свора. Поднялся рев и визг, шорох и шелест теней. Кай ничего не успел сделать и вскоре оказался на земле, исцарапанный в кровь, искусанный и побитый. Он поднял голову. Сверху щерилось усами яростное лицо кошачьего вожака.

– Ты псих! – крикнул ему черный кот. – Смерти не боишься?

Кай задумался и только потом ответил:

– Нет, я не боюсь. Не хотелось бы умирать, но я не боюсь этого.

С большим трудом Кай поднялся на ноги, ему дали это сделать.

– И вам бояться не советую – выйдите на луг, посмотрите, какой тут свет, играйте, заботьтесь друг о друге или хотя бы о себе самих. Вот и все. Вы не живете, потому и смерти боитесь. А если бы знали вкус – вы бы стали бесстрашны.

Снова яростные тени бросились в атаку. На этот раз Кай успел среагировать и бросился прочь. Коты гнали его лишь до ближайшего забора. Кай проскочил сквозь решетку и был таков. Убедившись, что нет погони, он лег у дерева и стал зализывать свежие раны.

Вечерело. Медовый свет залил городок, залил весь мир – деревья, дома, людей и большой мост, по которому пролегал путь железной дороги. Это был мост над бездной. Меж двух скалистых берегов, поросших соснами, вилась золотистая бездонная река времени, беспрестанно несущая свои воды дальше и дальше к сияющему горизонту – к точке сингулярности, за пределами которой сияет изначальным светом источник кошачьего меда.

– Да это же наш чертов кот! – воскликнул молодой бродяга.

– Агг-хаа, – хрюкнул в ответ отец, он был мертвецки пьян.

– Ну что, пошли, пройдоха, найдем нам всем девочек?! – сын задал вопрос коту и взъерошил ему шерстку.

Они пошли, и непонятно было, кто кого вел – кот людей или они кота. Непонятно было, каких девочек они надеялись найти. Отец просто плелся позади, сын рвался вперед, жадно вглядываясь в город, в каждый его переулок, в каждое окно, в каждую машину. Когда мимо проходили девушки, особенно – девушки в коротких шортах, бродяга-сын едва ли не кричал от восторга.

– Вот это да! Ты глянь, какая чика!

– Красотка! Какие ноги! Ах!

– А эта, а ее глазки, уй-уй, я немею! – и так далее без конца.

Они просто куда-то шли, текли вместе с рекой, им было хорошо. Бродяги пили, кот нежился в медовых лучах солнца, кот думал о смерти и улыбался, непременно улыбался всем и каждому. Сегодня его, израненного, особым образом переполняла любовь, она текла через край, она лилась из переполненного горшочка кошачьей жизни.

В это же время котам из мрачной пещеры несказанно повезло: кто-то выбросил рядом огромный пакет с прокисшим мясом для шашлыка. Все они, даже самые больные и увечные, сбежались на пир. Вскоре котов прогнали уличные псы, но всем удалось наесться вдоволь, и впервые за долгое время не нужно было заботиться о пропитании. Коты разбрелись по залитой светом поляне возле своей пещеры. Вожак сидел на заборе и щурил гноящийся глаз – Кай

все-таки ухитрился нанести ему эту маленькую, но очень болезненную травму. Вожак смотрел на играющих братьев и сестер и тоже думал о смерти. По-кошачьему думал, и это было хорошо. Впервые он ощутил свободу, хотя, если бы сейчас увидел Кая, то без колебания бы кинулся на него с диким ревом, исцарапал бы всю морду наглого чужака и гнал бы до самого края, до края мира и времени, в горизонт, где перья облаков опадают, куда течет река времени, в неведомый и далекий горизонт. Он гнал бы Кая до самого края. Края чего, вожак не знал. Сегодня он просто вдыхал и пил всем своим сердцем кошачий мед.

А Кай настолько слился с происходящим, что ему не нужно было ни пить, ни копить этот мед – его сердце, по крайней мере, ему так казалось, само излучало кошачий мед, оно стало источником меда и его эпицентром.

– Эй ты! – крикнул сын. – Мужик, стой! – он окликнул спешащего человечка, вжавшего голову в плечи, на нем было зеленое пальто и беретка, он выглядел нелепо в такой теплый вечер, когда все люди, кроме отца-бродяги в его неизменных шапке и плаще, ходили в футболках или в легких рубашках.

– Да стой же ты! – сын подбежал и схватил коротышку за локоть. Тот обернулся, он был в очках, он был в ужасе, он отшатнулся. – Да это же ты дал нам еды! – обрадовался сын. – Спасибо тебе хотим сказать, от души!

– Да... да... пустяки, – заикаясь, ответил человечек. – Мне, это, бежать надо.

– Да стой ты, мужик! Я ничего плохого не хочу тебе сделать, стой! – сын ухватил его за рукав.

– Не о чем, не о чем больше говорить, не о чем... – бормотал человечек, но никак не мог вырваться из крепкой хватки.

– Странный ты, мужик. Может, какая помощь нужна? – предложил сын.

– Молодой человек... – начал человечек, глядя мутными глазами сквозь толстые стекла очков, и осекся.

– Так помочь, как? – еще раз спросил сын. – Айда с нами!? Мы идем, кста, а куда мы идем, а, батя?

– А... – отец как будто очнулся ото сна, огляделся по сторонам и показал в сторону моста, видневшегося вдали. На лице человечка отразился настоящий ужас. – Туда идем... – отец икнул, и снова его глаза заволокла пьяная пелена.

– Вот туда и идем! Да, да, мать его, туда! – закричал сын. – Залезем на ебучий мост, свесим ноги и будем песни петь да в речку поплевывать, а?

– Не надо на мост! – испугался человечек. – Там охрана, знаете, вас в полицию заберут.

– А мы их обойдем!

– Там никак не обойти

– Значит, полиция нас заберет и нам будет где ночевать, верно говорю, а, батя?

– А, а-а...

– Верно говорит, я батю знаю, кота в мешке не присоветует!

– Я... Знаете, юноша, я, я...

– Идем! – крикнул сын и зашагал в сторону моста решительным шагом. Отец плелся следом, и Кай семенил, не отставая ни на шаг.

– И ты здесь! – неприятно удивился человечек, узнав того самого кота.

– Да! Это мировой кот! – крикнул ему сын, и профессор вздрогнул, словно уличенный в страшном преступлении, словно кот мог все выболтать. Человечек замолчал, но все-таки, непонятно почему, пошел следом за бродягами. Он проклинал и себя, и этих людей, и весь мир. В его голове роились идеи, как отделаться он них. Перенести смерть на другой день? Или пойти вместе и самому незаметно броситься в пропасть? Просто и незаметно броситься в пропасть, сгинуть навеки в бездне времен и никогда больше не существовать, больше никогда.

– Еб твою мать! Ну и девочки у вас в городке! – закричал сын человечку. – Скажи, мужик, а у тебя жена есть?

– Н-нет, нету.

– Один живешь?

– Д-да.

– Эх ты! Такие девахи тут, а ты один!

– Да куда мне...

– Эй! Ты вон в самом расцвете сил! – сын рассмеялся, а профессор совсем сжался, закутался в пальто, втянул голову в плечи, словно хотел, чтобы ее не было вовсе.

– Да я не шучу, мать твою, я не шучу. Ну, допустим, молодые на тебя не посмотрят, так ты не отчаивайся, и на твой возраст найдется бабенка, а! Будь только смелее, эй! Ну ты чего, совсем как черепаха голову вжал? Знаешь что, – бродяга сорвал беретку с головы человечка и лихо нацепил на себя.

– Молодой человек! Что вы себе...

– Все в порядке! А вам не надо стесняться себя, вон какая у вас сексапильная лысина!

– Молодой человек!!!

– Да что вы заладили! Да, я молодой, и да – человек, – рассмеялся Сын. – Я грязный и немытый, и мы с батей кое-как перебиваемся, ну и что же теперь? Мне с жизнью покончить надо, типа, кирдык, хана, в петлю, под поезд, с моста, а?

Профессора словно током ударило, он затрясся, а в голове пронеслось: «Он все знает! Он точно знает! Кот выдал ему мою тайну!?!»

– Конечно, нет, – рассмеялся сын. – Жизни радоваться надо, а вот вы, простите меня, вы, конечно, почтенный человек и все такое, но вы – это пиздец какой-то!

– Что!?

– Да я ничего плохого не хочу вам сказать, но вы – просто пиздец. Посмотрите на себя, словно профессор какой-то в своем пальто!

– Да я и есть...

– Постойте, дайте доскажу. Вы как будто никогда из дому носу не кажете или из кабинета там какого-то пыльного учреждения, конторы, что у вас? Только не говорите, мне похуй, на самом деле, похуй, где вы там сидите. Но сегодня просто охренительный день, и знаете благодаря кому?

– Да знать я не желаю, почему это у вас денек задался! Мне-то какое дело!

– Благодаря вам, дубина!

– Мне!?

– Благодаря тебе, прости, мужик, что на «ты», но сегодня двум бродягам есть че пожрать, – сын радостно махнул пакетом. – Кстати, пивас мы выпили, но есть еще немного бухлишка, – он пошарил в пакете и протянул профессору бутылку.

– Нет, я не...

– Пей, говорю, а то ниче не поймешь, – бродяга сунул бутылку в руки профессору, тот взял, понюхал, но пить не стал.

– Смотри, какая крошка, – сын показал на женщину лет сорока, блондинку с большими губами. – Хочешь ее?

– Нет, – буркнул профессор.

– Пидора ответ, – и сын залился таким громким, диким и отчаянным хохотом, что прохожие стали коситься и отходить в сторонку. – Да, профессор, или кто вы там, господин офисная, прости господи, и вы простите, крыса, но вы – пиздабол. Все вы такие там у себя, в этих крысятнях, вас за человека никто не держит, и вы туда же. Не обижайся, мужик, не обижайся, я ведь не про тебя, не про настоящего тебя говорю, я тебя всей душой люблю, поверь, и желаю

тебе добра, всего-всего, бля, огромного, невьебенного, во-от такенного добрища! Но профессор этот, крыса эта, которая живет в тебе, – говно полнейшее.

– Знаете, – человечек наконец смог вставить слово в длинную тираду сына, – а я и есть самый настоящий профессор, и вы... ты прав, я – говно полное, я – ничтожество, я... да ничего я не стою!

– Ну и ну! Заговорил, голос поднял! Я – такой да сякой. А вот скажи, женщину вон ту хочешь?

– Да какую женщину!? Я...

– Да ту, блондинку! Не делай вид, что не понял меня. Честно, да или нет?!

– Я, нет, то есть... То есть, не знаю, – замямлил профессор.

– Хочешь, значит. Так вот иди и познакомься с ней.

– Я!? – человечек удивился до крайнего испуга. – Нет. Нет. Нет. И нет. Человеку не полагается вот так, быть вот таким животным!

– Стоп, стоп. Стоп! – сын встал на месте, и вся компания остановилась, даже Кай. – Вот что, профессор, денег дай.

– Что?

– Что слышал. Денег, говорю, дай – немного, рублей сто.

– Зачем это?

– Дай, не пожалеешь.

– А, да что уж там! – раздраженно сказал человечек и достал аккуратный старый потертый кожаный кошелечек и отсчитал сперва сто, потом – двести, потом поморщился и протянул бродяге весь кошелек.

– Эй, ты чего? – сын поднял бровь.

– Берите, праздник вам будет, мне это больше не надо.

– Да ты ебанулся, мужик?! – сын выхватил две сотки из его руки, но кошелька не тронул.

Он убежал куда-то с деньгами, а профессор остался со старым бродягой и котом. Он переминался с ноги на ногу и напряженно молчал, отец присел на бордюр, обхватил голову руками и стал что-то бормотать, а Кай лег рядом.

– Ну, что, котик? – обратился к Каю человечек. Он говорил отрывисто и задыхался в своем пальто от жары, на лбу выступили капельки пота, руки дрожали. Кай посмотрел в ответ, немного печально, с кошачьей улыбкой.

– Ну что ты так смотришь!? Как в душу, и ... – человечек наклонился к Каю и зло зашептал ему на ухо: – Зря ты рассказал этим бродягам нашу общую тайну, зря, котик, ничего хорошего из этого не выйдет!

А Кай глядел сквозь очки прямо в глаза профессора, смотрел неотрывно, и невозможно было понять, то ли он все понимает, то ли не понимает совсем ничего.

– Держи! – закричал прямо в ухо профессору сын.

– Что? Что? Кто? Я? – человечек забавно подпрыгнул на месте и завертел головой.

– Конь в пальто! Ты. На, вот, – сын всунул ему в руку красную-алую-закатную розу, одну, а сам приложился к новой, только что откупоренной бутылке портвейна.

– Зачем мне все это? – в одной руке профессора все еще была бутылка, а вторая теперь была занята розой.

– Это ты дай сюда, – сын отобрал бутылку, – а сам иди и познакомься с ней.

– Я!?

– Мать твоя!

– Но, позвольте...

– Хуёльте! – сын поставил обе бутылки на асфальт. Одну из них тут же ухватил, казалось, дремавший отец, сделал несколько глотков, обнял бутылку и весь как-то сжался, съежился, словно ему было холодно. Сын же схватил профессора за плечи и подтолкнул в сторону блон-

динки, которая все еще сидела на скамейке и что-то упорно высматривала на экране смартфона.

– Я не могу! – закричал человечек. – Не могу и не могу, и все!

– Не хочу, не буду, да-да, слышали это уже! Давай, вперед, мужик, только действие, только свобода, только ветер и только солнце! Пошел!

– Да не могу я!!! – в отчаянии закричал человечек. – Ведь я всего лишь человечек!

– Так стань Человеком! Языка, что ли, нет? Рук? Ног?

– Не в этом дело! – профессор впервые повысил голос, он дрожал от страха и ярости.

– Я тебе, сука, сейчас пинка дам, чтобы полетел к ней на всех парах!

– Не могу! Я вам ясно сказал, молодой человек, и вообще, в конце-то концов, что вы себе позволяете! Я...

– Головка от хуя! – закричал сын во всю глотку. – Ты никогда в жизни ни на что не решишься, так и будешь сидеть в своей пыльной херне! Повеситься можно от твоей жизни. Меня тошнит от тебя, реально тошнит! А ты можешь подохнуть в любой момент, хоть сегодня вечером! Как жил крысой, так и помрешь...

– ДОВОЛЬНО! – взревел профессор громким, ясным, яростным и немного дрожащим голосом. – Это не ваше дело! Не ваше дело! Кто вы такой, почему лезете в мою жизнь?! Я вас знать не знаю, катитесь к черту! Катись к черту! Катись к черту! – голос человечка ослабевал и давал хрипотцу, его била крупная дрожь, он бросил цветок на землю и растоптал алые лепестки. Кажется, он плакал, всхлипывал в наступившей тишине и прятал лицо. Сыну нечего было ответить, и человек быстро-быстро зашагал прочь. Кай громко замыучил.

– Уж ты-то не добавляй... – сказал коту хриплым голосом сын и закурил сигарету. – Я как лучше хотел, эх, батя, а ты чего думаешь? Батя?

Отец сидел, покачиваясь из стороны в сторону, он обнимал пустую бутылку.

– А, старый черт, опять наебенился, и что нам теперь делать? Эх... – сын вырвал пустую бутылку из рук отца и с размаху разбил ее об асфальт. Прохожие вздрогнули, спрятали взгляды и отошли от греха подальше. Сын сел на бордюр рядом с отцом и обнял его.

– Эх, батя, батя, эх, жизнь моя жестянка...

Отец отчего-то заплакал и обоссался, а сын, обнимая его, шептал что-то ласковое на ухо. Кай тоже терся о морщинистую руку старика. Потом все замолчали, прислушиваясь к биению своих сердец, к дыханию и преходящим мыслям.

– Так, – отец неожиданно встал, разорвав оцепенение, пошатнулся. – Пошли.

– Куда? – ответил сын тусклым голосом.

– Мы сегодня куда-то шли, бляха-муха, раз шли – надо идти...

– Куда, батя?

– А куда ты этого прохвостора отправил?

– В пизду! – развеселился сын. – Я ему жену найти хотел.

– Да не, куда мы шли-то?

– Так туда, – сын ткнул пальцем куда-то вперед. – Ты сам туда хотел.

– Куда?

– Да я-то откуда знаю, ты ж хотел идти! – вспыхнул Сын, резко замолчал и радостно воскликнул: – А-а-а! Так мы на мост хотели пойти, на этот прекрасный старый чертов ебучий мост через бездну!

– Вот и пошли, – пробубнил отец.

– Батя, а ты уверен? Ну, типа, там полиция, все дела...

– Бре-е-ехня!

– Чутье у тебя отменное, как у старого пса! Раз брехня – то брехня, батя у меня не пиздабол! – сын посмотрел на Кая и вставил в зубы очередную сигарету. – Бать, а че делать-то там будем?

– Не задавай глупых вопросов, щенок!

– И все же, че тебя туда так тянет?

– Да чую просто, надо.

– Надо так надо. Пошли.

Компания, продираясь, с боем прорываясь сквозь улочки городка, миновала скверик, милый скверик с детишками, играющими, с девушками, разморенными солнцем, предзакатным медовым солнышком и временем-временем, с парнями, и кошками, и собаками, и зелеными-зелеными деревьями, невероятно, словно из рекламного ролика зелеными.

Чем ближе к мосту, тем уже становились улочки, они становились похожими на лабиринты из заборов, бетона, решетчатых окон. Казалось, город пытается запутать путника, пытается всеми правдами и неправдами отговорить путника, заставить свернуть с пути. Город даже угрожал – лаем собак, разбитыми бутылками, колючей проволокой. Через колючую проволоку, старую и ржавую, пролезть оказалось несложно. Отец зацепился за нее и порвал плащ, в остальном обошлось без приключений.

Вблизи мост являл собой впечатляющее зрелище – это было бетонное чудовище с красной, словно у динозавра, спиной. В алых отблесках заката он казался пугающей цитаделью, он казался огромным мифическим зверем, которого предстоит покорить, нет – не покорить, а лишь коснуться – и это пугало еще больше. Даже Кай чувствовал страх, он боялся подниматься на мост, хоть и знал, что ему нечего там бояться. Мост внушал суеверный страх, это был не мост, это было древнее божество, это был путь и врата, даже более важные, чем железные двери мира людей.

Отец скатился, чертыхаясь, по сваленной куче мусора, за ним последовали и остальные. Сын подхватил Кая на руки, они стали подниматься по красной обшарпанной лестнице у одной из ног древнего левиафана. Бродяги оказались на технической дорожке, расположенной прямо под рельсами, это был длинный коридор с решетчатым полом, под которым виднелась бездонная река, головокругительно далекая, манящая бездна.

Так они пошли по громяющему железу вперед, опираясь на красные перила, разглядывая массивные опоры из металла и бетона, разглядывая далекую и спокойно-быстротекучую воду. Это был поход в вечность, путь в вечность для глупых надломленных марионеток, путь в вечность для бродяг. На то они и бродяги, ибо им некуда больше идти. Отец, Сын и Кот, на то они и идут этим путем, идут в сиянии вечной славы, блаженные и несчастные. Но это только видимость несчастья, ибо они – почти Будды, без пяти минут Будды, без одного малюсенького шажка в вечность Будды.

Впереди показалась темная фигурка. Человек увидел бродяг, запаниковал, нервно заерзал и, набравшись смелости, перелез через перила и встал на железную платформу, на маленькую платформу, сваренную из рельсов, обтянутую решетчатой сеткой, платформу без перил, сделанную специально для рабочих, специально для самоубийц. Человек уставился вперед – в даль, в горизонт, откуда текла река. С противоположной стороны на его спину падали, просвечивая сквозь тело левиафана, причудливые алые лучи солнца.

– Да это же профессор, мать его! Эй! – сын замахал рукой, но отец раньше понял, в чем дело, и с неожиданной прытью рванулся вперед, за ним – и сын, расплескав брызгами и утратив за полсекунды свою лучезарную улыбку. Так они побежали наперегонки, толкаясь, побежали к перилам, к человеку, к Человеку над бездной. Профессор неловкими, дергаными движениями сорвал пальто и бросил вниз. Оно медленно, словно опавший осенний лист, улетело вниз, ударилось о бетонную ногу левиафана, скользнуло по ней и скрылось в пенящейся бездне,

уплыло в неведомые края, где нет моли и тлена. В глазах сына-бродяги стояли воображаемые кровавые разводы в воде, такие, словно это было не пальто, а живой человек.

Теперь профессор был в одной лишь рубашке с туго застегнутым на самую последнюю пуговицу тугим воротником, в галстук, стягивающем, словно петля, шею. Из всех сил он втягивал голову внутрь грудной клетки, шея была напряжена до предела, на висках вздулись и пульсировали сосуды. Он замер, встал неподвижно и вдруг резким движением разорвал ворот рубахи – отлетела пуговица, он сделал несколько рваных вдохов и выдохов, снова замер, сделал шаг к краю, но остановился, затравленно оглянулся.

Бродяги замерли, затаили дыхание, с ужасом глядели на человека. Кай чувствовал важность момента, Кай чувствовал борьбу человека, Кай любил человека изо всех сил. Не было сейчас ничего важнее этого человека. Кай молчал, находился рядом, присутствовал. Это то, что может сделать кот.

– А... – начал сын, но осекся, издав только неопределенный звук.

Профессор сделал еще шаг. Долго-долго, целую вечность он стоял на краю на краю, глядя в текучее жерло материи, готовое милосердно поглотить его, впитать, разорвать на тысячи атомов и сотворить из них нечто новое. Казалось, голова профессора поднялась до самого неба, словно небоскреб, она касалась неба, голова пробила в небе концентрическую дыру, в дыре была самая суть черноты, нисходящая градиентом синего цвета, от темно-вороного к небесно-голубому – в зеленый и, наконец, – от зеленого к оранжевому и красному, искрасна-красному, ало-кровавому. От черного к красному. И в этот момент, на грани времен, когда профессор был готов скинуть себя самого в бездну, когда он жаждал этого, как единственно возможного освобождения, в эту секунду все, кроме этой грани, перестало существовать. Он больше не был профессором, он больше не был несчастным или счастливым, он вообще не был кем-то. И в этот момент головокружительного полета над бездной человек закричал, закричал так, как никогда в жизни не кричал, вся боль, весь яд, все напряжение – все выходило наружу в этом ужасном боевом кличе. Человек кричал, кричал, забыв о себе, забыв о страхе, забыв обо всем и пребывая в крике, он кричал ужасно, он кричал отвратительно и впервые, быть может, не задумываясь о том, что о нем могут подумать, в этом крике была его сокровенная страшная тайна, этот крик и был его сокровенной страшной тайной, этот вопль был его лучшей симфонией, полетом ужаса и восторга. Из надорванной глотки уже выходил не крик, но глухой хрип. Выкричавшись, до капли выкричавшись и замолкнув, человек пошатнулся, едва не упал вниз и тут же, осознав это, попятился, в ужасе рухнул на перила.

– Я не могу, не могу, не могу, не могу... – хриплым сорванным хнычущим голосом повторял он, а из глаз катились крупные слезы.

В этот момент мост содрогнулся, все оглохли от шума и грохота, производимого товарным составом. Мост трясся, содрогался, словно раненый, словно почти поверженный левиафан, скрипел. Человек закрыл глаза и лег спиной на решетку шаткой платформы. Он сильно боялся, но вдруг ему стало смешно, и он дико, необузданно засмеялся, засмеялся так, как смеются колеса поезда, проезжающие по рельсам, как смеются камни, катящиеся вниз с горного склона, как смеются безумцы и просветленные, как смеются горные пики в своем молчании, готовые низвергнуть смертоносную лавину, как смеются метеориты и звезды, мерцающие во тьме, вот как он смеялся, а потом затих, и в этот момент для него не было никакого другого более устойчивого места во всей вселенной, чем эта трясущаяся сетка над бездной.

Товарный состав был самой бесконечностью, он не мог кончиться, никак не мог. Сын рефлекторно, сам того не заметив, крепко сжал руку протрезвевшего отца, никто не мог пошевелиться, все замерло и застыло.

Когда отгремел последний вагон, наступила крошечная тишина.

Человек поднялся, посмотрел под ноги, перелез обратно и обнял бродяг, они вместе сели на решетчатый пол и поглядели вниз, на то, как река несет свои воды. Кай запрыгнул на колени

к человеку, едва не ставшему самоубийцей, и ласково замурлыкал. Отец протянул человеку бутылку, тот сделал несколько жадных глотков, настоящих, полных жизни глотков обжигающей глотку ядовитой дряни, которая пришлась к месту, которая, хоть и была черна и убийственна, но в этот момент была чистейшей, непоколебимо святой амритой.

Бывший профессор улыбнулся и прикрыл глаза, он увидел этот свет, заливающий все, как и бродяги увидели это по-своему, как и видел, и вкушал, и делился им Кай – кошачий, да и не кошачий, да и не мед на самом деле, а нечто всеобъемлющее, вневременное и вечное, объединяющее все вещи, саму любовь.

И на самом деле не было никого на этой платформе, было только одно единое целое.

Закат потух, стало темнеть, подул прохладный ветер, и человек сказал:

– Возможно, мне стоит познакомиться с той блондинкой, а?

Сын вопросительно посмотрел на него, не выдержал и засмеялся во всю глотку, засмеялся, хрипло кашляя, и отец. Они смеялись вместе и, через отчаяние очистившись, поднялись и зашагали назад – в город людей. А Кай остался, его путь вел на другую сторону.

На другой стороне реки был сумеречный темный лес. Кай долго и опасливо брел по нему, пока не вышел на темную проселочную дорогу. Кот зашагал по ней, он привык ходить человеческими тропами – возле них всегда была пища и легче было найти теплое место для сна.

В это время по дороге домой возвращался водитель, он был пьян и не беспокоился об этом, потому что не мог причинить вреда на этой дороге никому, кроме себя самого. Его пикап вилял из стороны в сторону, а из окон неслась громкая музыка.

Кай слышал шум, но не обратил на это никакого внимания, он устал, он был полностью расслаблен.

В этот момент пикап снова занесло. Водитель услышал визг, машину тряхнуло.

Человек проехал еще немного, остановился и вышел из машины. Он поморщился, увидев окровавленное тело кота.

– Извини, приятель, – пробормотал он и выкинул тело Кая на обочину.

Эпилог

– Сестра, скажи, почему ты оставила меня так рано?
– Ты и сам неплохо справился, – рассмеялась Герда. – Разве я не права?
– Да, но мне не хватало тебя.
– Со мной ты бы учился очень медленно и, возможно, ничего бы не понял.
– Я и так почти ничего не понял, а если и понял что-то – это лишь жалкие крохи истинного знания.

– К тому же, – продолжила Герда, словно не слышала последнего замечания, – это была игра пространства, ты ведь не мог ожидать своей смерти, вот и я не могла. Но она пришла вовремя, всегда вовремя.

– Всегда вовремя, – улыбнулся Кай.

Перед ним стоял изящный горшочек – фигурка в форме кота, именно такой кот, каким он был в жизни, только без всех царапин, с целым ухом. Это была изящная кошачья ваза, передающая пропорции не очень точно, но вызывающая к себе какое-то непоколебимое доверие. В ней плескалась прозрачная золотистая, светящаяся сама по себе жидкость, терпкая и сладчайшая.

– Кошачий мед, – улыбнулась Герда.

– Да, – сказал Кай, – Вот он, немного я собрал за свою жизнь.

– Но и немало, – улыбнулась сестра.

– И что мне теперь с этим делать?

– Послушай сердце, оно подскажет, как распорядиться кошачьим медом.

– Сердце...

– Да, сердце.

– Послушай, Герда, я понял, что кошачий мед – он исходит прямо из сердца, что он вездесущ, скажи, почему...

– Тихо, сейчас не время для вопросов, сейчас время ответа, – она улыбнулась. – Слушай свое сердце, только оно может дать ответ.

Кай помолчал, потом обнял сестру.

– Я люблю тебя, Герда.

– И я тебя, мой мудрый брат.

– И еще, Герда, я знаю, что делать.

Кай опустил руки в чашу, зачерпнул горсть меда и резко подбросил вверх – мед превратился в свет и разлетелся повсюду, достигая каждого кота во вселенной и не только кота – достигая каждого человека, каждое животное, растение, достигая сердец всех существ.

Мир утонул в золотистом сиянии.

Енотовый миф о конце и начале Даня Гольдин

Внешний (Верховный) енот Енотх, вычесывая из меха на пузе крошки погрызенных галактик, обнаружил на глянцевом абсолюте своих ладошек два волоска: один был Черный, другой – Белый. Так познал Енотх, что полосат, и устыдился, и впал в великую тоску.

Приунывший и недвижимый, он созерцал волоски, пока не настало время вспыхнуть первому солнцу. Оно осветило расколовшийся разум, и Енотх решил было примириться с собой, но не смог, так как не мог больше забыть, что полосат. Разделенный на Черное и Белое, больше никогда не сможет Енотх мирно спать в гармонии серого уюта на чердаке заброшенной Вселенной, давно покинутой хозяевами. Енотх вздохнул, и молочная слеза покатилась к кончику черного, как дыры в прогнивающей крыше, носа, и ослепила Енотха брызгами новорожденных солнц.

Возмущенный, Енотх хлопнул себя по носу сразу обеими лапами и поймал свою сияющую слезу между двух волосков. Так, подавленный несправедливостью мироздания, создал Енотх Диск и отдал ему знание о Черном и Белом, чтобы примириться со своей полосатостью.

Сотворив Диск, Енотх поместил его в колыбель меж своих ушей и сел печально полоскать время в порывах солнечных ветров зацветающей Вселенной, ведь теперь только дети Диска могли принести ему мир.

Прошли миллионы лет, и эволюция на Диске докатилась до того, что с белой его стороны из морской пены вышел белый енот Бенот. В тот же миг на черной стороне из мусорного бака вылез черный енот Чернот.

Белый Енот был жирен и пушист, как просроченный тунец на помойке за японским рестораном. Черный был худ и облезл. Но оба они ничего о себе не знали, ибо белый был слеп от света, а Черный был слеп от тьмы.

Знали Бенот и Чернот только три вещи:

1. Енот всегда знает, где енотий хвост, ибо енот не может потерять хвост из виду;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.